

Коварный камень изумруд

Автор:

Владимир Дегтярев

Коварный камень изумруд

Владимир Николаевич Дегтярев

Всемирная история в романах

В канун 1797 года офицер фельдъегерского полка Её Императорского Величества Екатерины Второй поручик Александр Егоров по воле злого случая стал дезертиром. Сбежал в Америку, где, опять же волей злого случая, пересидел русско-персидскую войну, войну с Наполеоном. А злым случаем был огромный камень изумруд, каковой по милости сильных мира сего перемещался по странам и континентам. Русский офицер Александр Егоров чувствовал за собой великую вину за невольное дезертирство ради камня зелёного цвета и дал себе слово свою вину перед Родиной искупить. И ведь искупил! Истинный русский офицер!

Владимир Дегтярев

Коварный камень изумруд

© Дегтярев В. Н., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Владимир Николаевич Дегтярев

Об авторе

Современный русский писатель Владимир Николаевич Дегтярёв родился в 1954 году в деревне Преображенка Кировской области. Вскоре три района этой области были переданы Горьковской области, так что у автора имеется некоторая путаница с местом рождения.

В 1961 году в связи с тем, что правительство объявило «о неперспективности деревень Среднего Поволжья», семья переехала в Казахстан – в самый тогда перспективный регион СССР. На севере Казахстана, в частности в Павлодаре, тогда начинались большие стройки промышленных, добывающих и перерабатывающих гигантов индустрии страны.

После окончания десятилетки Владимир Дегтярёв работал лаборантом на ЭВМ «Минск-6» в Индустриальном институте, осветителем в областном драматическом театре, монтером городской линии связи, слесарем на Павлодарском тракторном заводе. И два раза безуспешно пытался поступить в Павлодарский педагогический институт на филологический факультет. В 1975 году случайно освободилось место помощника режиссёра на павлодарском ТВ, Владимир Дегтярёв его занял и после этого 25 лет отработал на ТВ, пройдя путь от помощника режиссёра до заместителя председателя Павлодарской облтелерадиокомпании. А в 1978 году поступил во ВГИК, на факультет кинодраматургии (заочное отделение), в мастерскую непревзойдённого мастера кинодрамы Валентина Ивановича Ежова. По сценариям Владимира Дегтярёва с 1986 по 1990 год были сняты 30 документальных и два художественных фильма. Большинство документальных фильмов демонстрировалось по каналам Центрального телевидения, а художественные фильмы «Красный обоз» и «Восточный коридор» окупали себя и принесли прокатчикам прибыль.

В 1995-м Дегтярёв ушёл с государственного телевидения и организовал первую частную телерадиокомпанию в Павлодаре. Но поскольку времена пришли иные, то по известным причинам политического характера Владимиру пришлось покинуть солнечный Казахстан и перебраться в Сибирь. С 1997 по 2009 год Владимир Дегтярёв проживал в Новосибирске, где и сменил род литературных занятий: от драматургии кино и телевидения перешёл на литературное поприще. Сначала занимался документальной литературой – писал книги об истории оборонных предприятий Новосибирска. А потом газета «Сибирь – момент истины» выделила Владимиру Дегтярёву центральный разворот, и началась трудная литературно-художественная деятельность. В этой газете были опубликованы циклы рассказов о Великой Отечественной войне, о «вятских людях» – роман «Поцелуй истины (Байки старого прокурора)». После чего писатель полностью переключился на историческую тему освоения Сибири, и в 2008 году московское издательство «Вече» опубликовало его первый исторический роман «Охотники за курганами». В том же году Владимир Дегтярёв был принят в члены Союза писателей России. Следом в том же издательстве был опубликован второй исторический роман автора – «Золото Югры», а издательство Санкт-Петербурга «Русская симфония» опубликовало первый том трилогии «Ушкуйники. Русская сага». Сибирь остаётся главной темой литературного творчества Владимира Дегтярёва.

Учитывая то обстоятельство, что Владимир Дегтярёв состоялся как писатель и в некоторой мере востребован, он перебрался из Новосибирска в Тульскую область, чтобы быть поближе к издательскому центру страны.

Здесь стоит упомянуть, что кроме основных занятий, Владимир Дегтярёв уже тридцать лет ведёт исследования протоязыка планеты. И добился в этом направлении определённых успехов, которые закреплены в книгах, вышедших в московском издательстве «Белые Альвы». Особой популярностью тематически подготовленных читателей пользуются книги серии «Тайны Евразии».

Избранная библиография Владимира Дегтярева

«Охотники за курганами» (2008)

«Золото Югры» (2010)

«Ушкуйники. Русская сага» (2010)

«Янтарная сакма» (2013)

«Коварный камень изумруд» (2015)

Книга первая. Долг чести

Глава первая

Крытый бычьими шкурами возок перевалил через снежный переём на дороге и остановился. Обе лошади, тащившие возок, часто мотали головами, пуская густую пену. Пена тут же леденела на железных кольцах упряжи и свисала вниз неопрятными сосульками.

– Лошади приморились, барин, – ямщик высунул голову из огромного тулупа, – имьям отдохнуть положено...

Поручик Егоров оглянулся. Два сменных конвойных казака из Сибирского войска равнодушно глядели мимо поручика. Их низкорослые киргизские лошадёнки совсем не приморились, даже, наоборот, протестовали против остановки и желали двигаться дальше. Мерин же, что вёз в седле поручика, конь высокий, вроде сильный, мотал головой заодно с повозочными русскими лошадьми. Выражал тем мотанием крайнюю усталость.

Конвойные казаки приблизились. Один, совсем молодой, только-только борода обозначилась, звонко, на всю поляну сказал:

– Кормов много потребляют ваши русские лошади, ваше благородие! А у нас в Сибириях откуда корм для таких прожор? Вот ваши лошади и приустали...

Поручик Егоров на явную колкость не ответил. Казаки, да ещё сибирские. Откуда в них будет почитание чина и верное понятие дисциплины?

– Где обывательская подвода? Почему отстала? – спросил поручик, но силы и нерва в своём голосе не услышал. Так, шипенье какое-то... На таком морозе, впрочем, не гаркнешь. В лесу, что стоял впереди и куда еле видно уходил с поляны тракт старомосковской торной дороги, нечто гулко треснуло. Будто пушка выстрелила. Потом там, в отдалении, треснуло ещё и ещё.

Сзади конвоя засвистели, закричали. Что кричали, не разобрать. Поручик оглянулся. Обывательская санная подвода, крытая медвежьей полостью, при двух конях в запряжке, ходко приблизилась. На месте возничего сидел с вожжами староста села Успенье, где вчера ввечеру сменился очередной конвой, да сменили лошадей. Да где, кстати, хорошо отужинали, а поручику Егорову шепотком намекали про тёплый ночлег, а громко говорили про ненужную торопливость, вредную в Сибири. Вот этот староста и намекал, и говорил...

* * *

По особому, тайному предписанию Тайной канцелярии Её Императорского Величества Екатерины Второй, ночлега для особо опасных преступников не предусматривалось. Тот преступник сидел в крытом чёрными шкурами возке. И не видеть его лица, и никогда не говорить с ним, а только что слышать его, мог лишь старший конвоя, поручик Петербургского охранного гарнизона особой его фельдъегерской тайной части Александр Егоров. Остальным людям на десять шагов к возку подходить запрещалось. На этот запретный случай поручик Егоров имел саблю и два пистоля при постоянных зарядах. Ну и казачий конвой – обязательно сзади.

Вчера ввечеру, выпив стакан водки, поевши жирных щей с мясом, поручик зло выругался про тот намёк на ночлег, завернул в тряпку кусок жареного мяса да ломоть хлеба, и дошёл до возка. Развязал две вязки махонького оконца сбоку грубой, кожаной кошевы и сунул свёрток внутрь. Преступник принял еду и закашлялся. Поручик пошёл назад. Из возка донеслось:

– Ради бога, поручик! Мне бы пару часов побыть на русской печи. Простыл я! Ведь не доеду в Петербург!

Зря он заговорил в присутственном месте. Человек десять деревенских, да тот же казачий конвой его голос услышали! Чего совсем не допускалось! Подлец! Ах, какой же подлец!

Поручик Егоров тогда даже не обернулся на голос из возка, а только скомандовал конвою:

– Трогай, бодлива мать!

Так в ночь и выехали.

* * *

Староста села Успенье не первый раз встречал особые прогоны и обязан был гнать за конвоем подводу с пропитанием для людей и скотин. Вот, наконец, поутру догнал. Восходящего солнца не виднелось, но свет имелся. Станный свет, будто потусторонний.

Староста остановил сани возле крытого возка, вылез на снег и, высоко поднимая ноги в унтах, подобрался через намёт к лошади поручика:

– Говорил же, ваше благородие, ночевать надо! Теперь сам поймёшь, что натворил! Гляди вниз, потом гляди влево, чтобы помнил, если доживёшь!

Поручик Егоров крепче сжал плётку, думал оплести старосту по роже за такие слова. Но вниз глянул. Чего там внизу под ногами старосты? Тот несколько раз нарочно переступил ногами.

Снег под ногами старосты скрипел и тут же осыпался в след, когда нога старосты поднималась из следа. Поручик глянул влево. Недавно там виднелся лес. Да и не лес вовсе, а чёрная тайга, а теперь ничего не виднелось. Серая пелена безмятежно плыла между небом и землёй. И наплывала на отряд.

– Сообразил, ваше благородие? Сообразил, как помирать будешь? – почти в самое ухо поручику проорал староста, сузив до щёлок злобные глаза. – «Заломай» идёт. Дикая пурга! Лезь мигом в свою кибитку!

Поручик Егоров вдруг почувял, что у него болью заломило голову, и от желудка к сердцу тронулась тошнота. Он покачнулся в седле, хотел ругаться, командовать, но только шевелил губами. Конвойные казаки, злобно поминая и чёрта, и Бога, скоро перепрягли лошадей. Это поручик уже видел сквозь пелену в глазах или через пелену в воздухе. Да где стелется эта пелена, уже не понять, так сильно кружило голову. Своих киргизских коней казаки завели в оглобли кожаного возка, выпряженных же из возка, сильно усталых русских коней, турнули вперёд нагайками. Из надвигающейся серой пелены донёсся шуршащий шум. Староста, сбросив падерицы, пытался голыми руками расшпилить кожаные вязки сбоку тайного возка, где, он думал, в возок есть вход. Над головами шумело всё сильнее. Мелкий сухой снег, будто песок, начал посыпать всё окрест.

Староста ругнулся чёрным словом, вынул из ножен охотничий нож и срезал две вязки по самому низу. Кое-как задрал задубелую чёрную шкуру и проорал поручику:

– Лезь махом внутрь! Лезь, балда стоеросовая!

Поручик Егоров просунулся головой под шкуру и тут же отдёнулся назад. В нос ему шибануло таким паскудным запахом человеческих отходов, что он закашлялся в позыве сблегнуть. И тут же заработал от старосты по спине кулаком. Вокруг возка уже крутило снег, снег скрипел и визжал. Поручик снова подсунулся под шкуру возка. Две горячие руки государственного преступника ухватили поручика за воротник полушубка, сзади за ноги толкал староста. Но не дотолкал. Отскочил к своим лошадям, а возок тронулся, и поручик стал загребать ногами по снегу. Тот бородатый преступник, что сидел в возке, напрягся руками, потянул поручика внутрь, просипел из последней силы:

– Господи благослови!

И поручик Егоров очутился весь в вонючей тьме. Возок подпрыгивал, накренялся, вилял, но нёсся быстро. Кожаная пола понизу, куда просунулся поручик, трепалась, открываясь на свет, но света уже не виднелось. Нечто мутное и тёмное заполонило и наружный мир, а потом и голову поручика Егорова. Он успел повернуться лицом вверх и повалился без памяти на трясущийся пол возка.

* * *

Поручик очнулся от того, что возок стоял, а в рот ему вливалась горькая струйка водки. Егоров оттолкнул руку со стеклянным штофом, закашлялся, утёрся и хотел привстать. Голову уже не ломило, но тело не слушалось. Некая злая сила обмягла руки и ноги, спина не гнулась. Послышался шум, о крышу возка ударились как бы лесина, потом другая. Голос старосты проорал близко:

– Руби ещё две, потом хватит!

Рядом с поручиком другой голос, голос государственного преступника молвил:

– Грамотно делают. Валят на возок ели, прячут нас под сугроб. Ежели таковой сугроб да при таком ветре образуется, то, слава Господу, может, и живы будем!

Егоров завозился на полу, у него получилось сесть, поджать ноги. Он вытянул вперёд руку и натолкнулся на бараний мех. Тотчас его руку встретила другая, влажная рука, подносявшая к нему штоф с водкой:

– Обморочность у вас, господин поручик, явилась оттого, полагаю, что в момент бурана, там, где он движется, атмосфера воздуха как бы разжижается. А в теле вашем кровь получает больше свободы, поелику на тело меньше давит внешняя атмосфера. Та кровь с силой ударяет в мозг, и мозг такому обороту крови не радуется. И спасает себя обмороком.

– А вы?.. А вы – почему не в обмороке? – спросил Егоров, пытаясь вытянуть ноги. Ноги его всё время упирались то в ноги преступника, то в лавку, на которой тот сидел.

– Рядом со мной есть место. Садитесь рядом, – предложил преступник, поймав поручика за руку. – Будет полегче.

Егоров в два приёма переполз на лавку, уместился возле невидимого во тьме человека, одетого в бараний тулуп. Тулуп тоже пах скверно, но возле него легче дышалось.

– А потому я не чую атмосферных колебаний, что родился в Сибири. Кто здесь родился, у того организм привычен к буйству погоды и атмосферы.

Возле возка зашуршало, потом в толстую кожу постучали вроде кулаком.

– Эй! Живые есть?

– Все живы, – отозвался преступник, – ты там как, староста? Как люди?

– Устроились люди. И лошади ничего, стоят. Только ямщик ваш куда-то сбежал...
Ничего, по весне найдут, кости всегда целыми находят... Сейчас, вот... тут...

Под полог возка просунулось что-то большое, в виде свёртка из полотна.

– Там кус копчёного медвежьего окорока, да каравай хлеба, да солёная черемша. Нож у поручика есть?

– Есть, – помедлив, ответил поручик Егоров.

– Пить станет охота, так добывайте себе снег. Его много. До лета хватит, – хмыкнул староста и полог упал.

А окрест шумело неумолчно, с упрямством бездушной сущности. Поверху, над верхушками деревьев, иногда выло.

– Сидеть здесь придётся, может дня три, – сказал государственный преступник. – Давайте устроим перекус...

– Мне надо бы наружу, – с большим напрягом в голосе сказал поручик.

– Нельзя наружу, – посочувствовал ему сосед по тьме, – заметёт мигом. Вон там, в полу, есть крышка дыры, куда в любое время можно оправиться. Давайте, не стесняйтесь. Открывайте дыру. Здесь, во тьме, стыда нет. Во тьме всегда стыда нет...

Поручик Егоров зашарил по полу кибитки. Точно, ухватился за деревянную ручку деревянной же крышки. Отдёрнул крышку и ничего не увидел. Только ему в лицо ударила волна холода. Пришлось щупать рукой отверстие, куда ходить по естеству.

– Я края всегда обтираю, когда схожу на эту дыру, – сообщил преступник.

Поручик задрал края полушубка и присел...

Глава вторая

Копчёный медвежий окорок восхитительно пах, а вкусен совершенно необычайно. Ломоть окорока с ломтем хлеба, попавший в желудок, погнал поручика в сон, но не в ужасный и тупой сон, а в тёплый и лёгкий, вроде дрёмы.

– А зовут меня, напомним вам, господин поручик, Петром Андреевичем, по фамилии я буду Словцов[1 - Реальная личность. Написал уникальную энциклопедическую книгу «Историческое обозрение Сибири».], – тем временем говорил преступник. Он сунул руки вниз, под полость, нагрёб снега и теперь умывал засаленные руки. – А почто меня довелось вам арестовать, того я не скажу. Ибо не велено. Поди, обыкновенный донос. Мало ли у нас по доносу людей хватают.

Поручик Егоров отринулся от дрёмы и застыдился. Он не догадался протереть руки снегом, когда посидел над дырой в возке. Такими руками и ел.

– Подайте и мне снега... Пётр Андреевич, – попросил поручик.

Он два раза ещё просил снега и тёр не только руки, но и лицо, а преступник всё говорил. Видать, соскучился в этом потюремном возке, пока его везли от города Тобольска к Уралу. Теперь вот, в предуралье, нашёлся слушатель благодаря Богу!

– Возки эти, потюремные, – жуткое изобретение подлого временщика Бирона, – говорил Пётр Андреевич. – Помните такого в русской истории?

– Не велено поминать, – быстро ответил поручик.

– Ладно, не поминайте. Одно время, когда уже императрица... гм... русская, Анна Иоанновна, бироновская гражданская супруга, стала мало ощущать себя

женщиной, а почуяла старость и болезнь, то совершенно извергнулась в своём характере. Тут-то Бирон и запустил в Сибирь аж сорок таких возков. Ему мнилось, что императрица скоро падёт в могилу, а его окружают враги; и вот таким образом Бирон от врагов избавлялся. Такая, видите, тюрьма на тележных колёсах или на санных полозьях. Смотря по сезону. Покидать возок нельзя, говорить нельзя, спать здесь нельзя, места нет. А возок едет и едет, безостановочно. А за тем, бироновским возком, едут конвоем аж от самого Санкт-Петербурга два человека без смены. Им, конвойным, этот возок, да человек в нём, как бы преступник, был вроде смертельной жизненной обиды. Так бы и убили того человека... Бывало не убивали, а только тайком били. До полусмерти. И это понятно. Там, в России, у конвойных жёны, дети, а тут годами шмыгай по Сибири безостановочно, бездомно, по грязи, по снегу, среди мириадов мошкары и гнуса...

Поручик Егоров немедля вспомнил инструкции, которые ему дадены были ещё в тайной экспедиции, и по которым он должен тотчас же остановить говор преступника. А кто тот говор сейчас слышит? Буран? Ладно, послушаем, пусть говорит. Ибо говорит преступник сущую правду. О «бироновской повозке» со смущением от некоего страха говорил ещё отец поручика Егорова. Его батюшке, курскому дворянину, отставному теперь майору, довелось в ту злую пору служить в регулярных частях Ингерманландского пехотного полка, да по случаю бывать и в столице. Боевые части в столицу вызывал, конечно, Бирон. То он углядит бунтовщиков среди великих дворянских родов. А то по извету немецких баронов да холуёв при троне углядит как бы начало холопьяго бунта супротив иноземцев. Вот войска и толкались в столице. Пугали, стало быть, врагов престола...

– Вы не можете ведать про столичные дела, – решил всё же выказать строгость к преступнику поручик Егоров, – ведь вы же родились и жили в Сибири.

– Это так. Но образование я получил в Санкт-Петербурге. С благословления архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама, я имел счастье пройти обучение в Санкт-Петербургской Высшей Александро-Невской духовной семинарии...

Поручик Егоров во тьме расшеперил глаза. Везти в «бироновском возке» духовное лицо? Скажи нынче про то кому-нибудь, ведь исплюются и разговаривать с тобой перестанут!

– Там... в штофе... чего-то осталось? – спросил поручик. – Подайте мне...

А за полной тьмой возка всё шумело и шумело, выло и трещало. Сибирский буран властвовал окрест и спуску никому не давал. Ни деревьям, ни людям, ни скотинам.

В возке наружный шум слышался всё глуше и вроде как бы растворялся. Зато у Егорова стало шуметь в ушах. Он допил оставшуюся водку, после чего вроде сразу жир вырос под кожей – стало тепло внутренностям и сверху, мимо кожи, тоже образовалось тепло. Преступник, который имел высокое духовное звание, теперь говорил:

– ...А история России, Ваше благородие, иным путём идёт, не тем, коим нас потчуют... бла... бла... бла...

Уснул поручик блаженным сном, каким теперь на службе и не засыпал. Снилось, что он всё ещё в Санкт-Петербурге, ещё до отъезда в Сибирь, и они, офицеры тайной экспедиции гарнизонного охранного полка, собираются на офицерскую пирушку в честь дня рождения своего начальника, майора Булыгина...

* * *

– ...По рублю и тридцати копеек на рыло! – орал сержант Малозёмов. – Рубль – на выпить, копейки – на закусить!

«В шестьдесят рублей обойдётся пирушка! В мой годовой оклад жалованья! – ужаснулся поручик Егоров. – Откуда же взять такие деньжищи на простую пирушку? По рублю и тридцати копеек с офицера? Сбрендил сержант Малозёмов!»

Отец поручика Егорова из малого Курского имения денег в столицу не присылал, присылал натурой содержание сыну: морожеными гусями, солёным свиным салом да мешками с мукой. Сие считалось в Петербурге нормой относительно армейских офицеров, каковые собирали свои посылки артельно и столовались артельно. А ему, поручику Егорову, экспедиционному офицеру особой службы, зазорным считалось жить по старинным обычаям натурального снабжения. Он обязан тратить деньги на полное своё содержание, исключительно деньги!

Столица, она такая!

Обе подводы, посланные отцом со съестной натурой, поручик всегда велел деревенским возчикам выгружать в холодный лабаз интенданта ихней части майора Кандожоглу, то ли грека, то ли армянина на русской службе. Тот выдавал поручику за две подводы деревенских припасов десять рублей, едва ли третью часть стоимости подвезённого припаса. И поручик за то благодеяние деньгами, да за молчание тому Кандожоглу ещё кланялся! Вот где обида-то!

...А потом полезли в лицо пьяные морды, все орали, кто-то блевал под стол, а поручик испытывал невыносимый ужас, ибо проиграл в штос ловкому сержанту Малозёмову двадцать пять рублей! Которых и не имел при себе. А отдав которые, поручик бы заголодал до смерти, не дожил бы до следующей зимы!

Вот так погулял! Сержант Малозёмов его публично стыдил, требовал денег, и тогда старший среди офицеров, командир экспедиционного отделения майор Булыгин, предложил расчёт по карточной игре произвести командировкой в Сибирь:

– Завтра намечается расписание в службу нашего отделения, – огласил диспозицию будущей кадровой замены майор Булыгин. – Есть командировка в неметчину, в Берлин, с письмом нашей Императрицы к прусскому королю. Поручик Егоров немецкий язык знает, расписано было в Берлин ему ехать... А ещё имеется тайный приказ на три месяца в Сибирь. Привезти из Тобола-города государственного преступника. Намечен на Сибирь ты, сержант Малозёмов. Сибирь, конечно, страна, наверное, многожды интересная, чем неметчина, но ты, сержант, в ней бывал уже трижды...

– Четырежды, – с радостью поправил майора сержант Малозёмов.

– От, тем паче! Так что поменяйся сибирской радостью с поручиком Егоровым. Пушай там побывает, хлебнёт, так сказать, сибирских удовольствий. А ты, Малозёмов, поедешь в бравую неметчину. Пиво там, конечно, доброе, да и немки охотные к русакам. А немцы, мужики ихние, не сибирские медведи, за свою бабу русских не обдирают!

Тут майор Булыгин совсем развеселился:

– Малозёмов! Наливай «на посошок»! А тебе, поручик Егоров, бежать за «стремянной»! На «стремянную» уже не осталось в экспедиции выпивки!

– Я согласный! – проорал сержант Малозёмов. – Для ради праздника прощаю тебе долг, кулёма егоровская! Ехай, бес с ним, в Сибирь!

Поручику Егорову стало душно от обиды и от общего хохота...

Глава третья

Тут вроде кто-то стал рвать с пояса поручика саблю, да так рвал, что поручик проснулся. Но пока не понял, где он. Во сне или въяви кто-то дерёт с него саблю. А дышать, и правда, тяжело. Нечем дышать. Возле него сопел всю государев преступник и рвал с него саблю. Поручик размахнулся, да замах во тьме и в тесноте мал, плохо заехал гаду, попал в тулуп, по плечу.

– Дай саблю! Дай! – шипел преступник. – Не дашь, сдохнем здесь!

Бороться поручику стало невмочь, совсем в глотку не лез воздух, и все члены будто заколодило. Он и не почувствовал, как преступник вытащил сабельный клинок из ножен и ткнул им прямо в полог. Бычьей кожи полог затрещал, но сабля хорошо отточена, кожа поддалась. Тотчас вроде свет проник в возок вместе с воздухом. Ан нет. Не стало совсем воздуха.

А преступник сопел уже за кожей возка, хрипло рычал, а за его рыком слышалось громкое шуршание, будто снег протыкался чем-то острым и скрипел от тех протыков.

Поручик пал к прорезу, откуда несло холодом. Вдруг в лицо ему ударил поток света, потом потёк прямо рекой чистый воздух, в возок полез снег, чистый, белый. В голову ударила горячая волна крови, и от неё снова поручик Егоров потерял сознание...

Очнулся поручик на воле. Он сидел в сугробе, прислонённый к большой ели. Буран совсем утих, и тишина снежного дня давила на голову, а белизна снега –

на глаза. Прищурившись, будто инородец, поручик смотрел на зелёные ели и соображал, что же ему надобно исполнить по долгу службы? Да! А где преступник? Где весь народ, что обеспечивал сопровождение?

Преступник без тулупа, а только в штатском платье да валенках и с крестьянским треухом на голове, предстал перед ним в проёме огромного снежного сугроба. Сабля в руке подрагивала:

– Нету никого в живых, только лошади уцелели. Они животные, они буран понимают правильно... Ямщик же наш, и точно, пропал совершенно. Так полагаю, что намерился убежать и один спрятаться от бурана. Не вышло, поди. Впрочем, может ещё вылезет откуда-нибудь...

Поручик Егоров встал на вялых ногах, оттолкнул протянутую саблю и прошёл меж деревьев по глубоким следам государственного преступника. Шагах в десяти оказался он возле поваленных мелких деревьев, где устроили себе снежный намёт казаки конвоя да успенский староста, укрываясь от ужаса непогоды. Деревья конвойные навалили на старостину подводку с припасами, а сами залезли под медвежью полость, укрывавшую подводку. Там в тесноте, видимо, сначала радовались, потчевались дармовой водкой...

Намёт над подводой получился вроде кургана, теперь разрытого сбоку. В том месте, где разрыто, торчали две ноги в унтах. Ноги вздрагивали.

– Отходит староста, – сказал сзади преступник, – упокой, Господи, грешную душу. Вроде ведь староста. Дураков в старосты не выбирают, а вот смотри ж ты, не выдержал, хлебнул горькой и угорел!

В стороне заржали лошади. Они стояли в глубокой снежной ямине, вытоптанной самими же. Хорошо, что догадались привязать их за уздечки к длинной вожже, было место и расстояние, чтобы топтаться. Ноги старосты перестали дрожать... Смерть догнала мужика.

– Глянь сюда, – указал преступник, – по торопливости али по неведению, не углядели, где прятаться. Под самые высоченные ели залезли. С елей и сыпануло снегом. Враз покрыло наглухо. Захочешь, не выберешься.

– Мы-то выбрались, – шепнул поручик Егоров. – Тебе... Пётр Андреевич, так выходит, я жизнью своей обязан.

– Сабле твоей мы оба жизнью обязаны, – отмахнулся Пётр Андреевич. – Не будь её, руками бы не выгрестись. Снег, он такой плотный при буране, что глина. Пошли, что ли, людей обихаживать...

* * *

Людей вытащили, старосту и обоих конвойных казаков положили рядом возле старостиной подводы. Пока поручик Егоров обшаривал мёртвых на предмет ихних бумаг или разных вещей, удостоверяющих личности, Пётр Андреевич шурудил в «бириновском возке». Протёр внутренности, благо снег под рукой. Потом пробрался к старостиной подводке, саблей отрезал от медвежьей полости одну шкуру. Полость благо великое, стачана из четырех шкур. Вот Пётр Андреевич одну шкуру пристроил на пол в своём возке – для тепла. Потом в седельных сумках у лошадей нашёл дерюжки торбы, куда насыпал достаточно дроблёного ячменя из двух мешков, что вёз с собой покойный староста. Привязал торбы под морды лошадей. Те тотчас захрустели, жадно хватая ячень.

Поручик Егоров, тем временем, обоих угоревших казаков и старосту закидал комьями лежалого снега, воткнул в изголовья две перевязанные крестом маленькие ели. Хорошо и заметно.

– Хорошо и заметно, – одобрил Пётр Андреевич, – только, не приведи Господь, лисы или волки учуют...

– Так замёрзли ведь они. От мёрзлых – какой запах?

– От мёрзлых – никакого, а вот тулупы на них и прочая одёжа, она пахнет. Дай-кось пару сосудов водки...

Пётр Андреевич той же саблей снёс на сосудах горлышки и облил водкой сугроб над телами.

– Теперь хищники зачихают и рыться здесь до весны не станут. Только, даст Бог, их раньше зверей люди поднимут. Вот приедем завтра в село Благовещенье, – тут Пётр Андреевич перекрестился, – там и сообщим о покойных.

– Я сообщу, – торопливо сказал поручик.

– Конечно, конечно, – заторопился отвечать преступник. – Ты, ваше благородие, и сообщишь. Я-то опять замкну свои уста молчанием. Как положено преступнику.

Лошади опустошили торбы, стали оглядываться, звенеть сбруей.

– И нам пожевать надобно, – Пётр Андреевич оглядел серое небо без солнца. – Поди, время сейчас подошло к обеду. Надобно поесть, крепко запрячься и торопиться... Хотя торопиться не выйдет. Дорогу отчаянно перемело, пойдём не ходко. До села Благовещенья, полагаю, будет ещё вёрст двадцать. И всё по снегу. Ночевать придётся на тракте... Слава Богу, станем ночевать у костра, не в бироновском возке... Я хоть ноги вытяну... Или как ты, поручик, полагаешь меня далее везти? Опять безвылазно в подлом возке?

– До села нормально, а потом, не обессудь, Пётр Андреевич, но повезу, как положено. Иначе...

– Иначе и тебя со мной вместе повезут. Понимаю. Давай закусим...

* * *

Вечеру, проехав по заметённому тракту вёрст десять, совсем заморили лошадей. И теперь сидели у костра, в прогалине, хорошо закрытой от ветра и от проезжей дороги. Опять кормили лошадей и сами кормились. Пётр Андреевич насадил на крепкий сучок кусок варёной оленины, грел его в пламени костра. С сожалением глядел, как поручик освежается водкой. Поручик Егоров выпил прямо из горлышка, встряхнулся, ухватил кус мороженого мяса. Пётр Андреевич протянул ему разогретое, прямо чуть ли не кипящее мясо.

– Вот, возьми. Водку завсегда закусывай горячим заедком. Пользительность от горячего заедка организму великая.

Поручик с удовольствием откусил горячего мяса, стал жевать. Спросил сквозь набитый рот:

– Так... это, Пётр Андреевич, скажи всё же – за что тебя я должен доставить в столицу, а? Таким варварским образом? Не бывает, чтобы преступники своей вины не знали...

Пётр Андреевич разогрел кус мяса себе, потом стал разогревать ломоть хлеба. Поднял глаза от костра:

– Ты, ваше благородие, слышал об Александре Македонском?

Поручик отшатнулся от костра. В голову полезли недавние экзерсисы на плацу, когда он не сумел ответить на вопросы преподавателя Её Императорского Величества военной школы для будущих фельдъегерей... На плацу приходилось туго. Особенно весной, когда грязь вокруг Москвы. Везде непролазная грязь. Школа помещалась в бывшем подмосковном селе Кукуе, где когда-то веселился сам Пётр Великий. Немцы оттель давно перебрались в Санкт-Петербург. А чтобы знаменитое место не захватили московские дворяне, вошедшие в силу при Императрице Екатерине, село отдали под военную школу. Но целый день, от утра до вечера, маршировать по грязи – тяжело, ибо потом всю ночь, до следующего утра, приходится от той грязи оттираться. Себя тереть и мундирчик. Не поспишь...

Будущий поручик Егоров один раз целый день маршировал по грязи, ибо не ответил на вопрос: «Куда ходил с победоносными походами Александр Македонский»? Потом мундирчик свой оттер, а про полководца из греков так и не узнал...

– Слышал я, Пётр Андреевич, о сём греческом полководце, – проговорил поручик, снова потянувшись за водкой, – чтоб ему не в Индию маршировать, а по кукуевской грязи!

Пётр Андреевич, государственный преступник, весело и громко расхохотался, на половину тайги:

– Так вот, ваше благородие, я публично, в дворянском собрании города Тобольска отрицал, что этот полководец доходил до Сибири. И мало того что он по Сибири прошел до Камчатки...

Поручик выпучил глаза:

– Нам в училище сего фактуса не сообщали... Это как же... от Индии – да пошёл на Сибирь? Грек этот?

– Естественно, пошёл. Говорят, есть греческие документы, что так и было, мол, из Индии Александр Македонский пошёл в Сибирь. И здесь, мол, в Сибири, упокоен. До сих пор его могилу никто не знает, так что грекам говорить можно чего заблагорассудится...

– Вот те нате! – хмыкнул поручик.

– А к тому, ваше благородие, ещё один фактус: перед своей смертью будто написал Александр Македонский дарственную русским князьям на Русскую землю. На всю землю. От Днепра до Камчатки.

– Да откуда же он в те далекие времена про Камчатку прознал? – поразился поручик. – Мы тут про неё ещё сто лет назад не знали!

– Передай-ка мне, ваше благородие, штоф-с! – совсем развеселился вдруг Пётр Андреевич. – Приятно иной раз с думающим человеком и выпить чутка.

Он выпил из горлышка бутылки примерно половину чарки, крякнул, заел горькую водку горячим свиным салом на поджаренном хлебе, вдруг спросил:

– А год-то ныне какой пошёл? Число – какое? Это мне знать можно?

Александр Егоров кивнул, выпил ещё водки, что-то покрутил в голове, но ответил честно:

– А год... Кончается 1793 год, ноне декабрь месяц, третий день декабря начался. Вот так...

– Да-а-а-а, – протянул Пётр Андреевич, – в темноте все дни – как один день. И все годы, наверное, тоже, как один год. Мы, значит, в пути уже...

– Этого я не ведаю! – быстро ответил поручик Егоров.

– Ладно, ладно. Прошу прощения за нескромный вопрос. Лучше теперь я стану говорить. За моим рассказом время быстро пролетит... Я имел доступ, ваше благородие, при учёбе в Высшей нашей духовной семинарии, к таким древним документам, что могу разом доказать, что и самого Александра Македонского в истории не было. Врут всё греки... А я знаю точно, кто из великих полководцев в Сибири захоронен на правом берегу Енисея. Вот сейчас скажу – брякнешься навзничь от сего знания...

Лошади, до этого мирно стоявшие, вдруг стали закидывать головы, заржали. Со стороны дороги, что проходила в полуверсте, им отозвались другие лошади. Потом оттуда донёлся зычный крик:

– Эй, отзовитесь казачьему разъезду, там, у костра! Вы чи шо – варнаки, али как?

Глава четвёртая

Императрица Екатерина Вторая с утра имела дурное расположение ко всем: к личному секретарю, что несусветно пах одеколонной водой, к девкам, что дурно, с подгорельцем, заварили кофе, да вот к этому мордату фельдъегерю, что доставил ей ответ на письмо, отправленное Екатериной прусскому королю. Ответ, к бешенству императрицы, написал ей не король Пруссии, как полагается при личной переписке властвующих особ, а всего лишь его адъютант Эрик фон Люденсдорф. Мальчишка на побегушках при короле! Оскорбление русской императорской особы невыносимое!

– Король немчуров болен, – истово твердил фельдъегерь, выкатив глаза.

Екатерина близоруко наклонилась к сопроводительным листам, прочла: «Фельдъегерь сержант Малозёмов». Что ни фамилия, то бывшая кличка! Позвонила в колокольчик. В дверь подсунулся секретарь. Войти боялся, а всё

равно на Екатерину понесло кёльнской водой.

– Вели распорядиться там, в особой экспедиции, чтобы этого дурня, Малозёмова, послали в пехотный полк. В крымские земли... Ну и пусть дадут ему звание подпоручика, чтобы воевал за государыню охотно.

Малозёмов стукнулся коленями о паркет императорского кабинета:

– Ваше величество! Не губите!

– Ты сам себя погубил, пень солдатский! – совершенно озлобилась Екатерина. – Пошто не подождал в Берлине, когда король выздоровеет?

– Так деньги у меня кончились, ваше величество! Как ждать два месяца без денег-то?

Екатерина пристально поглядела на высоченного дурня в фельдъегерском мундире. Ох, трудна и тяготна царская доля! Снова звякнула в колоколец. Секретарь теперь просунул в дверь только голову. Он слышал всё, что говорят в кабинете и как говорят. И догадывался, что сейчас с молодцом из особой экспедиции станется.

– Приказ о переводе этого дурня в Крым с повышением – отменяю! Пусть идёт рядовым в Сибирь, в тот солдатский полк, что сейчас стоит у бывшей Джунгарии. Там ему денег не потребуется! Вон пошёл, рядовой!

Малозёмова, так на коленях и стоящего, выволокли наружу два дежурных офицера свиты её императорского величества. Наказанный сержант вырывался и сучил ботфортами по паркету.

* * *

Однако частная переписка – это дело нынче мелочное. Государственные дела поджимали. Екатерина остро чувствовала, что вся Европа ожидает её смерти. В Европе накануне нового, девятнадцатого века назревает такой гнойный нарыв, что только Россия с её армейскими корпусами может тот нарыв грамотно проткнуть и не дать гною залить свои, русские земли. А то ведь этого очень

хочется многим европейским государям. Чтобы Россия в чужом гное захлебнулась. Под названием «демократическая революция»...

А стоит нынче на том огромном европейском гнойнике, сложив руки на груди, маленький человечек – Наполеон Буонапарте... Ну, не такие стояли, так возвысившись. А потом в той гнойной европейской политике и тонули...

А чего же старушке Европе сейчас надобно? А то ей надобно, чтобы, сопроводив Екатерину Вторую в мир иной, тотчас развернуть назад все дела, устроенные императрицей, развернуть в привычную для Европы сторону... А наследника, Павла Петровича Первого, очень уж легко направить в нужную для Европы сторону! Скоро пятьдесят лет стукнет наследнику. В эти годы кукла он и больше никто! Подпишет пять нужных для Европы императорских указов и закатают его в чёрное покрывало...

На внука Александра надо делать ставку, только на него! О нём поганые людишки не думают. Считается, что Александр не наследник, а просто так, любимый внук Российской императрицы...

* * *

Крепко ошибалась, неверно мерила европейские мозги матушка императрица. Её сына – Павла Петровича – особые тайные люди давно переступили, ища подходы ко внуку императрицы Екатерины Алексеевны, Александру Павловичу. И не польские паны, пьяные и непутёвые, искали с ним дружбы. Бери тут много выше. Много, много выше...

Теперь вот те люди заготовили полную неожиданность: именем государей европейских потребовать от императрицы Екатерины Второй предъявить им документ негаданной силы, каковой назывался «Дарственная Александра Македонского русским князьям и русским народам».

Документ такой имелся. Не в оригинале, конечно, но в списках. Три списка документа лежали в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода. Ещё, доложили императрице, есть три особых списка на старогреческом языке. Те списки «Дарственной Александра» лежат в монастырских схронах.

Прочитавши два списка «Дарственной Александра...», один на русском языке, а другой на греческом, но в переводе, Екатерина долго хохотала, а потом написала письмо немецкому кайзеру, где ту «Дарственную» обозвала «ложью жидовской».

Немецкий кайзер не стал читать это письмо императрицы, сказавшись больным. Однако больной-то больной, а сил хватило, чтобы тайком письмо Екатерины всё же прочесть. И повелеть ответ написать своему секретарю, Эриху фон Люденсдорфу. Та фамилия, Люденсдорф, была много выше по статусу фамилии русской императрицы Ангальт-Цербстской, настоящей императрицыной фамилии. А Эриха фон Люденсдорфа старый, но хитрый король Пруссии держал при себе как раз для ведения дел такого подлого свойства, касательного России. А потом адъютанта передал сыну, Вильгельму Первому, наследнику. По наследству и передал.

Эрих фон Люденсдорф писал от своего имени, но, конечно, под диктовку короля Пруссии:

«Полководец Александр Македонский, человек великого ума, проявленного им как на военном поприще, так и на поприще иностранных дел, что есть дипломатия высокого уровня. Смотрел Великий Александр далеко вперёд, Ваше Императорское Величество, Екатерина Алексеевна. Напомню Вам, что дарственные на землю и территории от него получили многие народы и племена. Испания тому пример, а также ловкие евреи, получившие, правда, от Александра Великого позволение восстановить ихний город Иерихон; а также не менее настырные католики, каковым он дозволил поставить монастырь Святой Екатерины в местности Синай, католикам не принадлежащей. Вот и Россия удостоилась получить дар от великого греческого полководца. И, судя по Вашему письму, дар великий: на все земли от восточных пределов государств просвещённой Европы до дикой Камчатки. С чем Вас, Ваше Императорское Величество, и поздравляю. Нет сомнения, что ежели Вы обнарудете ту грамоту Александра Великого, то остальные европейские государи воспримут этот факт как полное признание Ваших доселе нелегитимных завоеваний в пределах владений сибирских ханов, а также Турции, Англии, Австрии и прочих... Остаюсь верноподданный Вам... Эрих фон Люденсдорф».

Издевательское по сути письмо какого-то мальчишки Екатерина чуть не сожгла в камине, ежели бы при ней не присутствовал в момент чтения письма вернувшийся накануне в Петербург из Америки молодой граф Толстой, уже

получивший от придворных прозвище Американец.

Глава пятая

– Ни в боже мой, ваше императорское величество! – вскричал Американец, ухватив императрицу за руку, державшую письмо над огнём камина. – Американцы, сбродное племя из разных европейских народов, вырезали почти всех аборигенов на своей территории и в ус не дуют! Им никто не в указ! А вам кто насчёт Сибири в указ? То-то! А этот молодой мозгляк Люденсдорф пишет под диктовку самого короля Вильгельма! Разве вы не узнаете тяжёлых прусских словесных выражений в письме, которыми так богат язык прусского короля? Король на американскую политику относительно аборигенов нам и намекает! Пишучи о русских завоеваниях в Сибири. Мол, кому какое дело до того, как мы обрели территории? Кому завидно, пусть их у нас отберут! Письмо ценное для дипломатии нашей, и не место ему в огне!

Екатерина специально отправила молодого да задиристого графа Петра Толстого в далёкую экспедицию через Сибирь и Камчатку, через Алеутские острова в Америку, с тем, чтобы не ухватить его как очередного фаворита... Только вот характером граф весь походил на Гришку Орлова. Тот, первый императорский фаворит, при случае мог закатать молодой тогда Екатерине в лоб, а уж по заду шлёпал весьма ощутимо и часто. Синие следы пятерни оставались надолго... А немки всё же не привыкли к русским пятерням как к знаку повышенного любовного внимания.

– С Аляской – что делать? – перевела разговор Екатерина, намекая на главное и тайное задание графа в Америке.

– Я бы не продавал, – отозвался граф Толстой и вернулся в кресло, что стояло напротив императрицы. Между ними оказался большой дубовый стол. – Аляска, конечно, есть то же, что и Сибирь: снег, мороз, дикие аборигены, но ведь это как-никак земля. И земля большая, наверное, даже доходная. Давай, матушка императрица, Аляску всё же за собой оставим. А?

– Тут в Сибирь, прости Господи, лишнего человека нет, чтобы поставить его губернатором, а ты за Аляску ухватился! И поди ещё за какой-нибудь другой

клок земли! Говори, есть у нас другой клочок русской земли в Америке?

– Есть, есть, как не быть! Сибирский купец Баранов, плывучи от Камчатки далее, на восток, представляете, ваше величество, тоже уткнулся в Америку! И попал на прекрасные земли. Калифорния называется те земли. Там и тюлени, и котики, и соболя! И виноград растёт, и разный непонятный овощ! Одно слово – рай!

– Вот тебе на! Ещё одна земля у меня образовалась!

Екатерина встала, заходила по кабинету. Но Толстой-Американец краем глаза видел, а мыслью своей чуял, что императрица об его донесении про Калифорнию и не думает. Ей теперь в свой сад выйти, как одинокому матросу выплыть на шлюпке в океан. Страшное и безоглядное пространство что сад, что океан... Возраст, естива мерена.

– Ежели бы не этот совместный решпект иноземных королей насчёт «Дарственной Александра Великого», я бы ещё подумала. А так – не могу. Не уговаривай. Ежели европейские государи «Дарственной Александра Македонского на русские земли» поклонятся, то у меня гора упадёт с плеч. Но в той дарственной Аляска не прописана. Значит – продадим. И весь сказ.

– А нет ли за тем требованием европейских государей некоего подлога, ваше величество. А? Нет ли тут некой провокации? Ты им «Дарственную Александра Македонского» предъявишь, а они её тут же обсмеют и скажут правду. Что не было в истории Александра Македонского, что он миф. И что ты по сочинённому мифу захватила чужие земли. Так что теперь – отдавай Сибирь обратно! Англия и Америка тут же готовы Сибирь себе прибрать. И Франция, чую – не против такого дела. А? Как?

Екатерина тяжёлым взглядом упёрлась в переносицу Толстого-Американца. Слава всем святым, что не польстилась она на телесные выгоды этого баламута в фаворном смысле. Что видит, о том и говорит!

Нечто тяжёлое и злое заворочалось в голове Екатерины. Лейб-медик со слезами предупреждал, что лошадиные дозы возбуждающих средств едят, мол, неприкосновенные запасы организма и потому вызывают нервность и даже частую буйственность женского организма. Вот сейчас в Екатерине быстро росла нервность и буйственность. Рядом на столе стоял тяжёлый золотой подсвечник.

Тем подсвечником надо немедля треснуть Толстого-Американца! Да треснуть по голове!

Граф Толстой выдержал взгляд императрицы, протянул длинную, перевитую мускулами руку, ухватил своей тяжёлой пятернёй подсвечник и передвинул на свою сторону стола. Заговорил тяжело, увесисто, без обычной усмешечки:

– Уступать, ваше императорское величество, сейчас нельзя! И никогда нельзя! Ни одной аляскинской льдины, ни одного калифорнийского островка! Я про Сибирь вообще молчу! Там даже кустика уступить нельзя! Уступишь – махом всю землю до самого Санкт-Петербурга откусят! Ты этих масонских сволочей не знаешь, а я три месяца об них тёрся! По твоему приказу! Такого наслышался, хоть святых выноси, а пушки – заноси!

– Я про Сибирь и не говорила. Сибирь, она пусть себе... у меня побудет.

– Слава Богу, хоть Сибирь наша! Расскажу тебе один американский случай... Был я там, матушка императрица, на одном собрании. Тайном, конечно, собрании... всяких сволочей! Этакий, знаешь ли, клуб с названием «Общество кожаных фартуков»... Ты не смейся, матушка императрица, это так себя масоны обзывают. И велись там речи, прямо скажу, для России противные...

Екатерина, чтобы что-то делать, чтобы унять кипение крови, стала беспричинно рыться в ящиках огромного секретера, тяжёлого, французской выделки, с дюжиной тайных отделений.

Толстой-Американец продолжал болтать:

– Решено было, понимаешь ты, создать торговую компанию, куда бы вошёл кто-то из русских людей, да из больших людей, облечённых властью и прочими силами жизни... А компанию назвать, ну, вроде «АРА», то есть «Американо-Русская Акционерия». И мне тут же предложили войти туда непременно членом! И подписать всякие бумаги. Такую, например, бумагу, что ежели надобность есть, то корабль той компании может разом поменять на рее американский флаг на русский флаг, а для защиты своих интересов такой корабль имел бы в нутре своём пушки! И от имени русских бы начал стрелять. Флаг-то ведь наш! А ядра – они национальности не имеют!

– Ты подписал такую подлую бумагу?

– Как можно! Я отказался махом, сообщив, что в России меня тут же лишат всего состояния, земель и угодий и вообще – меня там ждёт петля или плаха.

– Кол осиновый тебя тут ждёт! – не выдержала императрица. – Ты сразу скажи – создали американские «фартуки» такую компанию?

– Создали! Но с собрания того я, сразу после своего отказа, был удалён. А потом и отъехал в родные российские просторы, под твою державную руку! Так что ничего более не ведаю. Может, масоны уже продали свои кожаные фартуки мясникам на базаре для дела, а может в них и по сию пору щеголяют по городу Вашингтону. Дураки и есть дураки... Оне...

Императрица перестала беспричинно шуршать бумагами:

– Ну-ка, если тебе есть что ещё сказать, то говори об том собрании!

– Эк! Много чего есть. Да всё мелочи... Ну, образовал это общество ихний президент Бенджамин Франклин, а финансы выделяют, как обычно, всякие Асторы, Мидлены и Зильберманы... И как я понял, они всю торгуют... неграми, ваше величество! Нагонят у себя крепчайшего рома целыми бочками, плывут в Африку, там этим ромом потчуют прибрежного чёрного царька, и тот загоняет им на каждый корабль по сто голов негров. Рабов! А корабли у них есть, но мало...

Екатерина остановилась у стола и смотрела на графа Толстого-Американца очень нехорошим взглядом. Под тем взглядом признаешься, что сам негров на водку менял!

Толстой-Американец заторопился говорить:

– ...там, на собрании, одна, понимаешь ли, бабёнка, именем Сара, если такое её настоящее имя, воровки той, прости меня Господи!..

– Бог простит, граф, – ты давай, поскорее говори, если по делу!

Толстой-Американец скривил рот, стукнул кулаком об кулак и продолжал ровно, как будто докладывал:

– Та Сара Зильберман, видать, под видом мужика, то бишь, мужиком переодевшись, проехала таким образом через всю Сибирь с какой-то немецкой учёной экспедицией... Учёных развелось, прости Господи...

– Проехала под мужским платьем и что? – напомнила Екатерина.

– А то! Она на том собрании торговой компании много кричала. – Толстой-Американец снял парик и начал им обмахиваться. Больно жарко топили у императрицы последние два года. – И кричала буквально следующее: «Сибирь, – кричала эта жидовка, – слишком большая территория, чтобы принадлежать одной России! Надо Сибирь от России отобрать»!

– Что же ты ей за те слова в лоб не заехал?

– Там заедешь в лоб! Там до тебя, матушка, далеко, а до суда больно близко. Там ведь суд вершит расправу. Охота мне была сидеть в американской тюрьме за мелочь простую, за шлепок по лбу дочери Зильбермана.

– А это ещё кто такой? Не президент Америки, нет? Президент у них вроде другой...

– А это, ваше императорское величество, сущность будет повыше президентской! – Толстой-Американец надел парик и снова стал вышучивать смысл разговора. – Этот Зильберман из тех, кто за верёвочки дёргает и президента Америки, и всех присных его...

Тут в дверь кабинета просунулся секретарь. При виде грозной императрицы секретарь закрыл глаза, но протараторил:

– Секретная экспедиция докладывает, ваше величество, о прибытии из Тобольска тайного возка с государственным преступником. Куда велите его поместить?

Екатерина поморгала редкими от возраста ресницами, но тяжесть во взгляде осталась.

– Ладно, иди, Американец, две недели даю тебе сроку, дабы отчитаться по всей форме за трату государственных средств на поездку в Америку. И твои соображения насчёт Аляски и насчёт этой... Калифорнии мне подготовь. И о Сибири не забудь! И всё приготовь мне письменно! Но об Аляске...

Секретарь даже вдвинулся половиной тела в кабинет. Екатерина швырнула в секретаря пустой чашкой из-под кофе. Фарфоровая чашка разлетелась на куски, дверь с треском захлопнулась.

– Про Калифорнию я пока ничего не понимаю, но об Аляске напишешь так, как я сказала, понял? Аляску про-да-вать!

Граф Толстой наклонился было собрать осколки фарфора с ковра, но Екатерина топнула ногой:

– Продавать, я сказала! Без экивоков, страстей и горького плача по утерянной землице!

– Но можно продавать не спеша?

– Вы нарываетесь на неприятности, граф!

– Вы тоже, ваше императорское величество! Та Сара Зильберман из компании «АРА», или как её там... та баба, что просквозила всю нашу Сибирь, как понос через кишку, открыто заявила, будто в Тобольске слышала публичную проповедь некоего Петра Слоцова, имеющего факты, чтобы доказать, будто никакой Александр Македонский русским князьям русских земель не дарил... А если так, то Россию с Сибирью у нас заберут. Так хоть Аляску давайте себе оставим. Она документами за нами подтверждена. А иначе – где жить-то будем?

Екатерина швырнула в тугую спину графа второй фарфоровой чашкой. На удивление императрицы, чашка упала на ковёр и не разбилась.

– Продавайте Аляску... – голос у императрицы сорвался, – медленно. Ну, хоть начните переговоры о продаже! И не забудьте – две недели сроку на отчёт!

Граф пошёл к двери, ухмыляясь. Своего он добился. И дело с Аляской можно тянуть, пока золото в Америке не кончится. Свободы им захотелось! Чтобы воровать! Свобода только для воровства и потребна. А так – на что годна эта свобода? Сзади него часто-часто затренькал колокольчик. В открывшуюся щелку двери императрица хрипло прокричала секретарю:

– После обеда подать мне государственного преступника! А пока пусть посидит в Кордегардии, на гауптвахте! Там пусть и ест! И вызвать ко мне после обеда митрополита Гавриила, наставника этого преступника. Пусть святой отец полюбуется, кого он воспитал!

* * *

Обедали вдвоём с фаворитом. Зубов ел мало, кусочничал: от того блюда малость откусит да другого чутка пожует. Видимо, опять хорошо поел мимо её, императрицыного стола, скотина!

Обедали прямо в кабинете, лень было идти в столовую залу через три комнаты от кабинета. Да там и печь, вроде, чадила. Угореть можно. В приёмной зашумели, секретарь что-то верещал. Дверь в кабинет распахнулась, в неё вдвинулся толстый митрополит Гавриил, отпихивая посохом секретаря, вцепившегося в митрополичью мантию.

Митрополит Гавриил перекрестил обедающих, огляделся, нашёл икону Николая Угодника в углу возле трельяжа, перекрестил икону, и сам на неё перекрестился. Потом сел на французскую лавку именем диван. Диванчик затрещал. Весу в митрополите Гаврииле имелось поболее, чем десять пудов.

– Откушайте с нами, – пригласила Екатерина.

– Благодарствую, ваше величество. Великий пост исполняю, грешить не намерен даже по вашему повелению.

Зубов напрягся горлом, сейчас начнёт защищать свою бабу! Вот же дурак, прости Господи.

– Выйди от нас, – тихо сказала императрица фавориту, – через ту дверь выйди.

«Та дверь», скрытая тяжёлой шторой, вела прямо в туалетную комнату Екатерины, а следующая дверь, из туалетной комнаты, вела прямо в спальню. Через ту дверь ходили только фавориты, да иногда князь Потёмкин, когда был живой, но уже от фавора отставленный, но никак не забытый... Царство ему небесное!

Зубов вышел.

Два человека в чистых передниках, не поднимая глаз, убрали со стола и оставили теперь императрицу наедине с митрополитом.

Кокетничать и выламываться не надобно. Разговор предстоял тяжёлый, даже исторический и, в своем роде, даже истерический. Орать, поди, придётся...

– Твой воспитанник, – тут Екатерина повернулась от стола к тяжёлому бюро красного дерева, – твой воспитанник Пётр Словцов попал в разряд государственных преступников! Нонче привезён из Сибири в «бироновском возке»! Болтал прилюдно, что Александр Македонский в Сибири не бывал, до Камчатки не доходил, дарственную на русские земли не писал! Это как понимать?

Митрополит Гавриил, ректор высокочтимой даже в Европе Александро-Невской духовной семинарии, и бородой не шелохнул. Упёрся в императрицу синими глазами. Долго глядел, но всё же моргнул. И сразу ответил тенором:

– Раз Петя Словцов так говорил, так, стало быть, и есть.

Глава шестая

Сержант Малозёмов, не помнящий молитвы «Отче наш», но знавший назубок этапы продвижения приказных бумаг, тотчас из дворца императрицы помчался к своему начальнику, майору Булыгину. Подлая бумага о переводе сержанта в пограничный пехотный полк сначала попадёт к майору, вот пусть Булыгин пока ту подлую бумагу и придержит. А дальше будет разбираться в судьбе сержанта сам Платошка Зубов! Иначе – на что его при императрице нячат?

Майор Булыгин спал у себя в кабинете на голой скамье, спал, не снимая ботфорт, корябая шпорами побеленную стену цейхгауза. От него, сквозь густые усы, изрядно пахло «адмиралтейским часом»[2 - Адмиралтейский час заведён Петром Первым, когда перед обедом по пушечному полуденному выстрелу все выпивали по чарке водки.].

Малозёмов, с разбегу проскочив через малопркрытую дверь, тотчас навалился на майора и начал матерно орать, не обращая внимания на то, что матерный ор в помещении кордегардии не приветствовался:

– Я тебя, сивый мерин, хоть сейчас в Неве утоплю! Это ты меня в неметчину послал! Из-за тебя меня разжаловали и завтра пошлют в киргизские степи!

Майор Булыгин разлепил глаза, углядел метавшегося перед ним сержанта Малозёмова, обозвал его «безухим ослом», повернулся на другой бок и снова запустил через усы сивушный дух.

Малозёмов совсем изошёл злобой и столкнул майора с лавки.

Майор Булыгин поднялся с пола и уселся за свой стол. Глубоко зевнул и сквозь зёв спросил:

– Чего тебе надобно от меня, дурак?

Чего ему надобно от командира, сержант Малозёмов даже и не знал. Проорал только:

– Сейчас вот... Императрица меня только что разжаловала в рядовые солдаты и послала в киргизскую степь – воевать!

Майор Бусыгин оглядел стол, совершенно пустой, без единой бумаги:

- Послать-то она тебя, может быть, и послала, но я никаких бумаг насчёт тебя не получил...

Сержант Малозёмов выпучил глаза, заревел быком раненым:

- Кому говорю - выручай!

- Деньги есть? - спросил тогда майор Бусыгин.

- К вечерней смене принесу, сколько надо? - быстро спросил Малозёмов.

Дурак дураком, а про деньги понимает.

- Сейчас, с собой, деньги есть? - загрубив голос, прошипел майор.

Малозёмов порылся в нутряном кармане мундира и вынул кошель. В кошельке прозвенело. Майор Булыгин взял кошель и перевернул над столом. По столу прокатились пять гривенников серебром, медь в алтынах, да беззвучно легли на драное сукно стола две ассигнации по пять рублей.

Майор сгрёб деньги себе в боковой карман кителя, поднял злое лицо на сержанта Малозёмова. Денег оказалось мало для того, чтобы на пару дней прикрыть тупого сержантика от похода в далёкие степи. А больше с него никак не содрать. Скотина безденежная! И до вечера ждать нельзя. Этот заскрёбыш добежит до своего дядьки-камердинера, ибо бежать ему некуда, и про майоров взяточный запрос обязательно сообщит. И майор Булыгин от того камердинера может запросто потопать в те же киргиз-кайсацкие степи. Вторым простым солдатом. Брать деньги надо прямо сейчас!

- Ты, лешак окаянный, не допёр ещё, что делать? - зло спросил майор.

- Не допёр, - глядя в лицо командира, просипел Малозёмов, винтом стаскивая с пальца на левой руке золотой перстень. Перстень упал на стол и скатился майору на колени.

Майор Булыгин выдвинул ящик стола, сунул туда перстень, а обратно вынувши руку с хлебрезным ножом, резко махнул ею возле лица проштрафившегося сержантика. Сержант Малозёмов ойкнул и схватился рукой за левую щеку. Отнял руку, глянул. С руки капала кровь. Кровь сочилась и по шее, это хорошо чувялось.

Малозёмов ухватился за рукоять своей сабли.

– Ну, ну, – подстегнул его майор Булыгин, – давай, дурак, руби командира.

Малозёмов саблю всё же вынул. И той саблей, помогая себе левой рукой, порвал золотую цепь нательного литого золотого же креста. Фунт золота весил крест, да и цепь не меньше. И цепь, и крест скрылись в майоровом ящике. Ящик стола с треском задвинулся.

– Сейчас выскакивай из помещения и ори, что на тебя в драке напал поручик Егоров. А выскочишь из кордегардии, хватай извозчика и мчи что есть духу к дядьке своему, камергеру, в зубовский дворец. Он дальше сам поймёт, что с тобой делать.

Малозёмов не пряча сабли, ринулся к двери.

– Саблю спрячь, балда! – крикнул вслед майор Булыгин. – Нешто можно с обнажённым оружием мимо дворцового караула? Стой, стой! Опосля дядьки своего, опять шилом, несись на квартиру к поручику Егорову. Пошуми там, поори, поколоти его, но смотри – ни ножа, ни сабли не вытаскивай. Ибо тогда точно окажешься в арестантских ротах!

* * *

Камердинер зубовского дворца, Семён Провыч Малозёмов молчал, пока племянник его, так счастливо доведённый им до сержантского звания и пристроенный во дворцовую службу, рассказывал, поминутно всхлипывая, как его долго и упорно резал сослуживец, поручик Егоров.

Царапина на левой щеке племянника сильно свидетельствовала, что никакой резни не случилось, а царапина поставлена нарочно. Баба какая полоснула

ночью ногтем, или гвоздём по пьянке оцарапался, дурак. И уж совсем бестолочь, если обвиняет своего сослуживца Егорова в том, что из-за его, мол, интриги, поменял свою фельдъегерскую поездку в Сибирь на поездку в благословенные и тёплые немецкие земли. И всего за двадцать пять рублей карточного долга. А ведь мог бы после этого случая каждый раз ездить к немцам. И зарабатывать бы стал самостоятельно, а не сидеть болваном на шее у дядьки, выпрашивая каждый вечер по три рубля «погулять». Три рубля корова стоит. Это знать надо!

У камердинера Семёна Провыча, по нынешним делам в Империи, вся надежда была на служебный рост племянника, на его женитьбу на добром капитале и на весомом в столице человеке. В смысле – на дочери весомого человека. Дабы всегда можно защиту найти. Так что спасать парня надобно. В нём, в нём теперь осталась вся надежда. А нынешнее его звание «камердинер», это простая фикция, колебание воздуха. Он сегодня есть, а завтра – нету.

– Иди умойся да потом сходи к зубовской экономке, ну, к Варваре. Её девки тебе шрам-то залижут да замажут. А я пока померекаю, что можно сегодня же к вечеру, к явлению нашего хозяина, у царицы порешить по твоему делу. Иди, иди... Савва Федотыч...

Сержант Малозёмов хмыкнул и вышел. Никак не уймёт дядька свой разбойный говор. Так и помрёт ненайденным вором. Отец сержанта Малозёмова, Федот Провыч Малозёмов, ныне покойный, происходил из купцов, поднятых Петром Первым буквально от сохи, по завоеванию царём балтийского побережья. Да купцом тот Федот только числился. Они с братом Семёном, с тем, что ныне камердинер Платона Зубова, много чего натворили в Курляндии да в Лифляндии, пользуясь тем, что прибалтийцы никак не желали жить одной деревней за одной оградой, как русские. Им, прибалтийцам, что ты, хотелось жить по хуторам, чтобы каждому жителю своего соседа не слышать и не видеть. От такого фактуса кому благодать? Конечно, ворам!

Не одну богатую мызу растрепали по камешку лихие братья, купчишки третьей гильдии Малозёмовы, потихоньку торговавшие награбленным имуществом в бестолково строящемся городе Санкт-Петербурге. Торговали всем – мебелью, платьем балтийского покроя, серебряными столовыми приборами, нарочно смешанными в разные кучи... Опять же, торговали лодками, парусами, скотиной – от коней до курей... Хорошо жили, справно...

Да вот только отца сержанта Малозёмова, Федота Провыча, при одном налёте на курляндском побережье застрелил какой-то сволочной хозяин сволочной мызы. Живого человека – взял и застрелил! И тут, конечно, разом кончилась купецкая, но воровская малозёмовская торговля.

* * *

Закрашивать порез сержант Малозёмов не пошёл. Прокрался в комнату своего дядьки, вытащил из известного ему тайника горсть серебра и чёрным ходом рванул на тёмную, окраинную улицу столичного града. Свистнул извозчика и покатил в кабак, где обычно засиживались до ночи злые, крепкие мужики непонятного разбора.

* * *

Поручик Егоров сидел дома, в квартирке, что снимал в непрезентабельном строении в глубли Васильевского острова. До обеда он писал положенный отчёт о взятии под стражу и доставлении в Санкт-Петербург государственного преступника, а потом, в обед, поевши хозяйкиной пригорелой каши, оставшейся, видать, с вечера, решил вздремнуть. Только лёг – на тебе, стучат в дверь.

Квартирка поручика располагалась под самой крышей, голова в потолок упиралась, если выпрямиться. Он пошёл открывать, только отодвинул засовчик на двери, как его толкнули внутрь. Ворвались три молодца, а впереди них – сержант Малозёмов. Пьяный, щека располосована. Малозёмов сразу заорал:

– Вот этот гад, ребята! Убийца верный!

Те трое, что заскочили в комнату с сержантом Малозёмовым, даже орать не стали, а стали поручика пребольно молотить пудовыми кулаками, стараясь лицо ему не задевать. Единственный табурет, что имелся в комнате, поручик использовал сразу, и сразу на два кулака стало меньше. Утянулся оглушенный молодец в коридор. Потом Егоров дотянулся до пояса, где сабля. А там, где сабля, там и пистолеты. Кабацкие дуболомы, нанятые сержантом Малозёмовым, про пистолеты, видать, с ним не договаривались. И тут же затопали по коридору к чёрной лестнице. А Малозёмов всё ещё торчал в двери и орал:

– За нападение на младшего офицера будет тебе полный конец, зараза курская!
Не жить тебе и не служить!

После чего тоже загрохотал сапогами вниз.

* * *

Приложив к отчёту быстро написанный рапорт о беззаконии, учинённом сержантом Малозёмовым, поручик Егоров накинул шинель и выскочил на морозный декабрьский ветер. Отчёт и рапорт требовалось сдать к вечерней поверке, чтобы, если понадобится, императрица могла прочесть бумаги после ужина. Всё же государственный преступник доставлен из Сибири поручиком Егоровым, а не варнак сибирский...

В кордегардии перед поручиком Егоровым тут же появился вестовой майора Булыгина:

– Немедля идти тебе к майору! Что же ты учинил, обалдуй! Мог бы Серафимку Малозёмова одного в парке встретить, да хоть бы и прирезать, раз так допекло...
Теперь, гляди, в крепость попадёшь!

Поручик Егоров отчего-то козырнул вестовому и широким шагом дошёл до дверей майорского кабинета. Постучал. Изнутри хрипнул свирепый майорский голос:

– Входи!

Поручик вошёл. Майор Булыгин сидел за столом, загородясь пачкой бумаг, из которой брал по листу и клал на стол. Бумаги он не читал, это поручик знал точно. И точно знал, что майор сейчас крепко выпивший, раз загородил своё лицо.

Майор отодвинул на край стола положенные поручиком бумаги и опять прохрипел, укрывая лицо:

– Рапорт о твоём нападении на сержанта Малозёмова мною от него получен первым и первым будет рассматриваться офицерами нашего гарнизона на суде

офицерской чести!

– Господин майор! – пытался прорваться сквозь бумажную защиту командира поручик Егоров. – Я не мог напасть на сержанта, поскольку с утра сидел дома и писал вот этот отчёт...

– Напасть можно и дома, поручик. Посему идите пока в ту камеру, куда утром доставили государственного преступника, и там подумайте о своей судьбе.

– Но как же...

– Молчать! Выполняйте!

Дежурный по гауптвахте офицер, поручик Колька Свиристелов, молча отворил дверь камеры гарнизонной гауптвахты. Она оказалась пустой.

Поручик Егоров повернулся к Кольке:

– А где... этот?

– Увезли к императрице. Оттуда, вестимо, в крепость. Лучше бы ты, Сашка, зарезал эту сволочь малозёмовскую. Теперь страдай...

Глава седьмая

От солдатской каши, чем Петра Слоцова покормили на гарнизонной гауптвахте, в животе пучило и во рту салило.

Введённый караулом в кабинет Императрицы, Пётр Андреевич узрел сразу и митрополита Гавриила, своего наставника по семинарии, и Екатерину, императрицу. Он пошёл, было, изначально к руке митрополита, но тот концом посоха упёрся Слоцову в живот и перетолкнул в сторону императрицы. Да ещё шепнул громко:

– На колени!

Пётр Андреевич встал на колени, пополз к императрице, стоящей у круглого бока голландской печи. От печи так привольно несло теплом, что хоть с коленей и не вставай! Отогреться бы хоть на коленях за три месяца морозного мучения в «бироновском возке»...

Однако Пётр Андреевич поднялся в рост и стоял так в трёх шагах от императрицы Екатерины Великой, каковскую вся Сибирь обожала, и деяния её приветствовала. Стоял к императрице спиной. Ибо она так распорядилась, стукнув его веером по плечу и показав: «Повернись».

Императрица во время обеда выпила много вина, вина плохонького, со своей кухни, и сейчас испытывала позыв пройти в ту дверь, за которой стоит ширма, а за ширмой стоит ночная ваза. Да ещё от преступника несло выгребной ямой! И лицо заросло неприятной, тоже вонючей бородой.

Екатерина прикрывала лицо распушенным веером. Но терпеть никакой возможности уже не имелось. Сложив веер, Екатерина больно стегнула сзади по щеке Петра Словцова:

– Против империи пошёл! Как смел?

И торопливо вышла в уборную комнату.

Митрополит Гавриил тотчас шепнул:

– Петька! Стой так, спиной к императрице, а ко мне не оборачивайся! И на своём измысли про Александра Македонского тоже стой, как было в Тобольске. А дабы дело не кончилось Шлиссельбургом, али хуже того, Петропавловской крепостью, найди способ немедля связаться с другом своим и соучеником – Мишкой Черкутинским. Он ныне большой фаворит у внука нашей императрицы – цесаревича Александра Павловича. Коего прочат в цари после сына её, Павла Первого... Обскажешь ему, Мишке, свою преморию... он поможет. Добрейшей души и набожности человек...

Екатерина ещё в коридоре, прямо перед караулом, поправила на потолстевшей талии нижние юбки, одёрнула платье и вернулась в кабинет. Привезённый из Сибири преступник так и стоял лицом к голландской печи, а спиной к двери...

Хоть один человек в последний год страшится ещё императрицу Екатерину! Половина её прихлебателей давно от неё отстала и, не ведая отчего, трутся теперь не возле наследника, сына её, паскудного Павла, а возле её внука – Александра. Ну да, после Павла никому иному, кроме Александра, русским царём не быть! Так и прописано в тайном завещании, что уже составлено императрицей... Только вот будет ли что наследовать внуку Александру? С тем, македонским Александром, похоже, попала Екатерина в толстенную и весьма липучую паутину. Именем македонца возьмут да и отберут общей силой европейские государи все земли, что многотрудно завоёваны русскими людьми за последнюю тысячу лет...

Екатерина, сопя носом, что означало небывалый гнев, села за огромный кабинетный стол. Пачка европейских газет на столе, доставленных вчера курьерской скоростью, была на четырёх языках забита прославлением подвигов Александра Македонского. А пуще всего – литографированными копиями его «даровальных грамот» народам Англии, Нормандии, Греции, Италии. Мол, берите эти земли, англы, норманны, греки да италики, да живите на них вечно! Сссобаки!

Взять сегодня да отдать приказ в литографию, пусть срочно изготовят клише «русской даровальной грамоты». А завтра в государственной русской газете «Ведомости», да в общей газете «S.-Petersbourger Zeitung» пусть появится эта литография «даровального письма» проклятого македонца на русские земли... Вплоть до Камчатки.

– А ну! – приказала Екатерина. – Повернись ликом ко мне! Али стыдно от той благоглупости, что ты публично наговорил в Тобольске?

– От чистой мысли, ваше императорское величество, стыдно не бывает! – звучным, сильным голосом проговорил преступник, когда повернулся к столу императрицы.

– У Емельки Пугачёва, как он твердил на дыбе, тоже чистые помыслы были насчёт меня и моего дворянства... Россию от нас хотел очистить!

– И от нашей Церкви, матушка императрица, – подсказал митрополит Гавриил.

Ему сидеть просто так надоело, да и надобно ведь принимать участие в допросе, а то как же быть?

Екатерина погрозила митрополиту пальцем. Заведя разговор о Православной Церкви, хитрющий поп мог так далеко увести допрос, что и про македонца на месяц забудешь.

– Отвечай мне, своей императрице, откуда ты прознал, что македонец в Россию из Индии не заходил и грамоты даровальной русскому народу не давал?

Пётр Андреевич переступил с ноги на ногу. От долгой езды, скорчась в возке, видать повредились жилы на ногах. Стоять больно.

– Ваше величество, смилуйтесь, дозвольте опять на колени встать, а то ноги не держат! – проговорил преступник. – Одна пытка ехать в бироновском возке! Ног не чую!

Императрица глянула в сторону митрополита. Он качнул посохом, мол, надо просьбу утвердить.

– Вон, подвинь софу, да на неё сядь! – велела императрица. – Да подальше от меня сядь, в баню видать не ходишь... И отвечай мне быстро. Загнал ты Россию, святой проповедник, в такую ямину, что мало у государства времени из неё выбираться. Помедлим – засыплет Европа ту ямину. И нас, и Россию в той яме засыплет. Да с великой радостью!

Петра Андреевича душил кашель, тело знобило и ломало, а после таких слов царицы – хоть выть!

– Читайте я на трёх языках, да понимаю ещё два языка, – торопливо заговорил Пётр Андреевич, неловко усевшись на край софы, – тому обучили нас в Александро-Невской семинарии стараниями вот его, благословенного митрополита Гавриила. А потому имел я возможность читать на тех иноземных языках много толковых книг...

– По двое свечей восковых, кручёных, за ночь сжигал, читаючи! – встрял митрополит. – Но я позволял нашему эконому выделять Петруше свечи, больно толковый парень...

– Список тех книг у тебя есть? – Императрица упёрлась взглядом в преступника, а сама сильно была указательным пальцем по столу... Палец отсверкивал двумя золотыми кольцами с большими бриллиантами...

Вот точно так же, но в другом дворце, императрица Екатерина пять лет тому назад тоже была пальцем по столу, когда перед ней стоял другой государственный преступник – Радищев. Писака подлый, натворивший множество паскудных дел выпуском своей книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Во всём сознался, подлец: и в том, что масон, и что иезуитов слушался, как дрессированная собачонка, и что за границу любит. И что мечтает в той загранице жить зимнюю половину года, а другую половину года, то бишь – летом (лукавый подлец!) хотел бы проживать в России...

...Но потом, при виде ката Шешковского, подлый писака Радищев все фамилии назвал, кто ему ту подлую книгу про путешествие из Петербурга в Москву велел написать (денег дал), да кто её печатал и кто развозил по тайным заказам...

Европа прямо взбесилась, прознав об аресте Радищева. Взбесилась, яко мужняя жена, которой муж рога наставил. Бесись не бесись, а русские только что турок разбили, Крым под себя взяли, а по гарнизонным спискам в России числилось двести сорок тысяч солдат под ружьём, да две тысячи пушек, да ещё двадцать литейных заводов в стране лили пушки круглосуточно... Ежели б не такое число в воинской силе, то за три дня сгнил бы Радищев в Шлиссельбурге, а так – ничего. Три года уже прожил в Сибири, в Илимском остроге, через семь лет, может быть, живым назад вернётся...

– Список тех книг я в уме держу... – Словцов надолго закашлялся, но оправился, – а ради дела готов составить список на бумаге. Все мною читанные книги находятся исключительно в библиотеке Александро-Невской семинарии и под твёрдым оком митрополита Гавриила. Что он и подтвердит.

Митрополит скосил глаза на Екатерину, огладил окладистую бороду и утвердительно кашлянул.

– Не токмо что список, но и все книги по тому списку немедля выбрать и отложить под замок... Пока... – Императрица не договорила, пожевала губами, что значило некую сильную думу.

Митрополит качнул головой. Сотня книг из семинарийской библиотеки – не раззор. Там, в библиотеке, пятнадцать тысяч книг.

– Алексашку Радищева знаешь? – неожиданно спросила Екатерина.

– Про Радищева слышал, но писания его мне, право, без интереса, – тут же ответил преступник. – Мне, ваше величество, история в интересе, а нынешний быт я и так вижу, светлым глазом.

– Ну и что же ты видишь в нынешнем быте?

– А то, что я вижу, так это только в Сибири, ведь я там поставлен проповедовать Слово Божье.

– Что видишь в Сибири? – Екатерина сорвалась на крик. Из кольца при ударе об стол выскочил бриллиант, сверкнул, скакнул по столу и упал на пол.

Матушка императрица тут же изволила покрыть безудержный бриллиант русским непотребным словом.

Митрополит Гавриил тотчас перекрестил Екатерину, самолично нагнулся, поднял бриллиант с ковра и положил на стол перед императрицей. Потом сам перекрестился, ведь при таком бабском настроении императрицы разговора и не будет...

Митрополит Гавриил воздел руки и глухо пробасил: «Эх, Отче наш...»

Екатерина позвонила в колоколец. Крикнула секретарю:

– Караул немедля!

Два рядовых солдата в мундирах кавалергардов вошли в кабинет. Штыки их ружей отсверкивали почище бриллиантового света.

– Митрополиту остаться при мне, а преступника завтра – в Тайную экспедицию, к Степану Шешковскому! – распорядилась императрица караульному сержанту.

Приклады ружей брякнули о плашки паркета, и Петра Словцова вывели из кабинета императрицы.

Екатерина что-то спросила.

Митрополит тут же подставил ладонь к уху. Иногда так надобно делать, притворяться, когда и сам начинаешь свирепеть.

– Пошто ты сам, Гавриил, веришь этому, как его?.. Мальчишке в рясе.

– Словцову, матушка, Петру Андреевичу. А верю потому, что ведь я читал некоторые старые документы об Александре Македонском и смеялся, их читая, уж поверь митрополиту христианской Церкви.

– Что же ты чёл?

– Ну, самый ясный документ о «Даровании» русским русских земель хранится в Чехии. Я и тот документ чёл, и копия его у меня есть. Она здесь, со мной. Читать?

– Давай. Чешского документа я не знала.

Митрополит Гавриил вынул из складок митрополичьего убора короткий лист бумаги, осмотрелся, подвернулся к свече, начал читать.

– погоди, – оборвала его Екатерина, – сейчас вторую свечу велю занести. Да и ты, садись-ка поближе, чтобы мне верней принять каждое твое слово...

Секретарь затеплил вторую свечу, митрополит сел в кресло напротив императрицы и продолжил чтение:

«Мы, Александр, Филиппа, короля Македонского, в правлении славный, зачинатель греческой империи, сын великого Юпитера, через Нактанаба

предзнаменованный, верующий в брахманов и деревья, Солнце и Луну, покоритель Персидских и Мидийских королевств, повелитель мира от восхода и до захода Солнца, от Юга до Севера, просвещённому роду славянскому и их языку от нас и от имени и будущих наших преемников, которые после нас будут править миром, любовь, мир, а также приветствие...» [3 - Оригинал «документа» хранится в Санкт-Петербурге, в архиве исторических актов и документов.]

Митрополит остановился читать, ибо Екатерину давил хохот.

- Отсмейся, матушка, да и продолжим.

- Нет, чт, давно так не смеялась, чт, не обращай внимания!

«За то, что вы всегда находились при нас, правдивыми, верными и храбрыми нашими боевыми и неизменными союзниками были, даём вам свободно и на вечные времена все земли мира от полуночи до полуденных земель Итальянских, дабы никто не смел жить, ни поселяться, ни оседать, кроме вас. А если кто-нибудь был здесь обнаружен живущим, то будет вашим слугой, и его потомки будут слугами ваших потомков. Дано в новом городе, нами основанной Александрии, что основана на великой реке Нил. Лета 12 нашего королевствования с соизволения великих Богов Юпитера, Марса и Плутона и великой богини Минервы. Свидетелями этого являются наш государственный рыцарь Локотока и другие 11 князей, которые, если мы умрём без потомства, остаются наследниками всего мира».

- Ну а где же здесь, среди этой пошлой безграмотности про русских? Про Сибирь и Камчатку? - спросила Екатерина.

- Тот, кому ты свой вопрос адресуешь, ваше величество, сей подлый и лживый греческий писака давно и прочно скончался. Неизвестно где похоронен и, вероятно, сие никто и никогда не узнает.

Екатерина взяла из рук митрополита бумагу с чешской копией «Дарования» Александра Македонского, тут же обмакнула перо в чернила, написала в левом углу бумаги, поверх священного текста: «Бредятина полная», поставила число и расписалась.

Вернула бумагу митрополиту:

– Будь милосерден, отец Гавриил, сегодня вечером появиись у меня на куртаге и поднеси мне при иноземных гостях этот листок. Я его оставлю на моём столе, а сама пойду тебя провожать, да как бы серьёзно с тобой беседовать. Час меня не будет. Шпионов на куртаге хватит, чтобы сию бумаженцию скопировать. А, главное, мою резолюцию. И тем прекратим все эти мерзопакости вокруг русских земель.

– А насчёт Петра Андреевича Словцова как решишь, матушка императрица?

– А он пусть пройдёт по обычному кругу, какой проходят государственные преступники. Сознаться в обвинительной ошибке я не могу, но суд и петля ему не грозят. Пока что...

Глава восьмая

Когда Петра Андреевича Словцова от кабинета императрицы провели дворцовыми переходами, потом напрямки через заснеженный двор в кордегардию, а потом втолкнули в ту же камеру гауптвахты, он прямо на пороге и застыл. На единственной лавке сидел поручик Егоров.

– Это как же понимать? – упавшим голосом спросил Пётр Андреевич. – Тебя тоже по моему делу... сюда?

Поручик откинул шинель, что закутывала солдатскую миску с кашей, сохраняла тепло. К каше полагался ломоть хлеба и ложка.

– Откушай, Пётр Андреевич, а обо мне не беспокойся. Я здесь по другому разбору. И могу тебя покинуть в любой миг. Задержался вот до смены караула, чтобы спросить: не нужно ли тебе чего? Ты меня от смерти спас там, в Сибири, так я здесь тебе ответно послужу. Говори, что делать надобно?

– Спасибо, что удружил. Найди мне нонче моего однокорытника по семинарии Михаила Михайловича Черкутинского. Они, молодые, высокородные, тут рядом, во дворце, почитай каждый вечер собираются у Александра Павловича, у внука императрицы. Я ему сейчас коротенько напишу, а ты уж, ради Бога, ему

записочку-то передай. А на словах... на словах скажи, что императрица на меня беспредметно зла. Ну, он поймёт...

* * *

Когда государственный преступник назвал имя – Михаил Черкутинский, поручик Егоров закаменел. И с горечью подумал, как неловко и стыдно попал он между чьих-то колёс. Тех колёс, что не имеют жалости и вообще – человеколюбия. Ведь весь Петербург знал явно, и о том даже вслух говорил, что Михаил Черкутинский спознался с иезуитами, мало того, даже с масонами! За эту связь, рассказывают, был однажды крепко бит Михайло Ломоносовым. А Гавриил Державин, сенатор и кавалер, откровенно говорил на раутах, что «этот, молодой сановник, поляк и сопляк Черкутинский, набит конституционным французским и польским духом». Не так давно по городу стали говорить, что он сильно и даже нагло хлопчет через внука императрицы, цесаревича Александра Павловича, о дозволении иезуитам вводить в России католическую веру. И даже насильно склонял через оплаченных им особых миссионеров вступать в ту, католическую веру всех российских мусульман и даже идолопоклонников. В Сибири, в Астрахани, в Оренбургской губернии...

* * *

– Я что-то не то у тебя попросил? – обеспокоился Пётр Андреевич Словцов, увидев некое изумление на лице поручика.

– Да я как-то не знаю... – протянул поручик Егоров.

Ему вдруг показалось противно даже говорить с человеком, который посылает его к Черкутинскому и, мало того, является его другом!

– У меня другого человека здесь нет, – прошептал Петр Андреевич. – Мишка Черкутинский в моё время был хорошим человеком. Если же нынче он... скурвился, так не ходи, не надо!

– Я схожу, Петр Андреевич. Только как бы тебе греха от этого визита не стало...

– Отмолю тот грех. А тебя никаким боком к нему не пристегну. Слово даю православного человека.

– Пойду! Пиши записочку!

* * *

Михаил Черкутинский тот вечер проводил, как обычно, в покоях внука императрицы, у цесаревича Александра. Здесь по вечерам собирался весьма тесный в дружеском отношении кружок молодых дворян, призванных, как полагала Екатерина, развлечь внука и, главное, отвернуть внука от отца его – Павла Петровича.

Павел Петрович, кобель уродливый, свои вечера наполнял вином, музыкой и чтением вслух. А на што сие молодому будущему царю Александру?

В покоях самого цесаревича Александра музыка не играла, голорукие бабы не шландали. Что ж, здесь много говорили, много спорили, и те споры да разговоры не всегда отличались государственной благонамеренностью. Но это бывает, по молодости лет будущего императора, да и вообще – по молодости.

Восемь личных людей Екатерины посменно, в одеждах прислуги, бывали на тех вечерах, и кто там что выдвигал, какую реформу или, скажем, политику насчёт Европы али России, про то бабка цесаревича Александра, императрица Екатерина, всегда убедительно знала.

Миша Черкутинский да Иван Мартынов, выпускник той же семинарии, что и Черкутинский, ближе всех сошлись с будущим государем. И, читая докладные дворцовых шпионов, Екатерина благостно улыбалась и не раз ей приходила вольная мысль: «А как бы это... внука поперёд отца его, Павла, посадить на престол российский? Гвардию, что ли, попросить?»

Бабка цесаревича и знать не знала, что о таком же исходе судьбы цесаревича Александра Павловича мечтают оба иноземных учителя и наставника молодого иезуита Михаила Михайловича Черкутинского, ибо иезуитам мечтать не вредно. Если те мечты вслух не выдавливать, да на дыбе. На дыбе и не такую мечту выдавишь. Например, о даровании европейской конституции российскому

народу, воспринявшему всей массой католическую веру.

В тот зимний и холодный вечер Иван Мартынов, сам из Полтавщины, но человек даровитый на упрощение сложных предметов бытия, неожиданно вспомнил Петьку Словцова, когда заспорил с Александром Павловичем о налогах, коими необходимо бы обложить дворянское сословие России.

– Вот я скажу одну простую истину, обнаруженную нашим другом и однокорытником Петькой Словцовым, что нынче проповедует в Сибири да сибирскую историю пишет, – загорелся видать выстраданной мыслью Иван Мартынов. – Из года в год наше государство собирает одиннадцать миллионов рублей подушного сбора, а сие означает, что каждый податный русский мужик платит рубль в год, а тратит наше государство в год аж двадцать пять миллионов рублей! Такового быть не должно! Не сходятся чи?сла подушного сбора и государственных трат!

Александр Павлович, желавший в этот момент откусать рюмку мадеры, аж поперхнулся:

– Да отчего же, Ваня, этого быть не должно? Раз тратим деньги, значит, слава Богу, они у нас в империи есть! И кто такой этот Словцов, чтобы финансы государства считать, аки ревизор?

Михаил Черкутинский со смешком глянул на стусевавшегося Ваньку Мартынова, повернулся к Александру Павловичу, пояснил:

– Саша, поверь ты нам, Петька Словцов у нас в семинарии слыл за искателя одинаковых примеров древности и современности. Ну и отыскал некое древнее сочинение, повествующее о равновесии доходов и расходов государства. И о том, кстати, что нарушение данного равновесия ведёт как к кризису самого государства, так и к порушению власти.

– Ещё чего! – Александр Павлович поставил недопитую рюмку на стол, попросил: – А поясни.

Мишка Черкутинский остро глянул на Мартынова, подмигнул, мол, давай, ты говори! Пояснять толковые истины будущему царю, иезуиты-воспитатели Мишке Черкутинскому строго запретили. «Лучше блуй на сапоги цесаревича, но не

говори»! – орал Черкутинскому тайный учитель-иезуит. Другой выкрикивал то же самое, только по латыни...

Ванька Мартынов согласно кивнул Черкутинскому и заговорил вместо него:

– Тут бы тебе, Александр, Петька Словцов лучше меня пояснил, но ему далече из Сибири да прямо сейчас к нам добраться. Так что я попробую его мысли передать и пояснить... Вот, смотри. Одиннадцать миллионов рублей собираем, а тратим – двадцать пять миллионов. То бишь четырнадцать миллионов рублей, конечно, берём не из воздуха, а штампуют на монетном дворе. И к чёрным, пахотным людям из этих четырнадцати миллионов попадает... ну, может, миллион. Все остальные деньги оседают у дворян. Но мало кто из дворян держит их в кубышках. Серебро наше утекает за границу просто потоком. Дворяне наши платят за бриллианты – голландцам, за ткани – французам и англам. Им же, англам, да шведам, да немцам, платят за разные изделия из металлов и стекла. Вот рюмка, что ты не допил, само стекло – германское, а вино в рюмке португальское. Скатерть на этом столе соткана во французском Париже, а ковёр на полу – персидский...

– А чего здесь есть нашего? – с большим возмущением спросил Александр Павлович.

– А нашего здесь, Саша, – рассмеялся тут Иван Мартынов, – только твои сапоги, стачанные личным твоим сапожником из нашей козлиной шкуры, да шпоры на них, отлитые, я знаю, в мастерской Кулибина.

Будущий император зло притопнул чудными и лёгкими сапогами. Шпоры на сапогах, отлитые из золота, имели лёгкость, какую такого объёма золото иметь не может. Но хитрец Кулибин сделал шпоры внутри пустотелыми. Потому и лёгкими.

– Так что наши деньги в огромном количестве кормят иноземцев, а не наших подданных, – быстро подвёл разговор к основной мысли Ванька Мартынов. – Теперь сам подумай... Если обложить дворян податью, соразмерной с ихними доходами, то они семь раз подумают: то ли купить персидский ковёр, то ли крымский. Крымский ковёр ничуть не хуже персидского, да зато в пять раз дешевле, и он в нашем государстве сработан, и наши деньги у нас и останутся, и через ряд платежей попадут опять в казну... Да ещё тот гипотетический

дворянин опять же семь раз обмыслит вопрос: «Надо ли лондонскую карету себе заказать да через море привезти»? Причём за провоз от Лондона до Петербурга надо платить не меньше, чем за саму карету... А то ли заказать экипаж в царской мастерской, вон там, через дорогу. Что и нам, государству нашему, и дворянину нашему выгоднее. Конечно, чтобы дворянин за новым экипажем шёл туда, через дорогу, и нашим каретным мастерам и платил... От них же часть денег опять в казну попадёт... Говорить можно долго, а основная мысль такова: надобно, чтобы наши деньги у нас в стране и ходили, не уплывало бы серебро в чужие и враждебные страны. На наше серебро льются пушки и сверлятся дула ружей во всей Европе. Против нас же. Надобно...

В кабинет Александра Павловича тихо вошёл дежурный офицер и, поймав вопрошающий взгляд цесаревича, сказал отчётливо:

– Прибыл курьер из тайной экспедиции. Просит выйти Михаила Черкутинского!

Черкутинский ещё не успел привстать со стула, как Александр Павлович скомандовал:

– Пусть курьер войдёт сюда!

Его озадачило ночное появление курьера из тайной экспедиции. Бабушка, императрица Российская, что-то утром говорила, вызвав внука к себе после завтрака для наделения его некой толикой золотых царских червонцев. И говорила об угрозе изнутри государства. Неужели Мишка Черкутинский что набулгачил? Вроде писаки Радищева? Так Мишка, вроде, глупостей не пишет...

Вошедший курьер был молод и в малых чинах – поручик. У Александра Павловича разжались кулаки.

– Поручик тайной экспедиции Её Императорского Величества Егоров! Имею личное поручение для господина Черкутинского!

– Разрешите, ваше высочество, покинуть кабинет? Судя по всему, дело личного свойства... – попросил Черкутинский.

– У нас нет секретов даже личного свойства, – сильно скрипучим голосом проговорил внук императрицы Российской цесаревич Александр. – Ты, Мишка, это сам мне вчерась говорил. Разрешаю, поручик, именно здесь раскрыть поручение к господину Черкутинскому.

Поручик Егоров почувствовал дурноту. Вот так и горят люди на службе, вот так сыплются на пол и знаки отличия, и эполеты. И так ломается жизнь. А чего жалеть? Жизнь его уже сутки как ломает сержант Малозёмов. Один чёрт. В отставку подать немедленно и – гусей кормить в курской деревне!

– Привезённый мною вчера из Сибири... Пётр Андреевич Словцов передал для вас, господин Черкутинский, записку. Вот она. Разрешите подождать ответа, ваше высочество?

Михаил Черкутинский взял записку.

– Читай вслух! – велел Александр Павлович, махнув рукой Егорову, чтобы ожидал.

Поручик Егоров скосил взгляд на третьего в этой комнате. Тот стоял позади его высочества, упорно глядел на поручика, вызывая его взгляд и крутил у виска пальцем.

Так. Это значит, что к деревенским гусям Егорова не отпустят. Придётся, видать, вместе со скотиной Малозёмовым идти в степь и бить джунгар в простой солдатской форме!

Глава девятая

Михаил Черкутинский набрал воздуха и прочёл за три выдоха:

«Друг мой Миша! Меня доставили вчера из Сибири в “бироновском возке”. Обвиняют, что опротестовал нахождение в Сибири Александра Македонского. Митрополит Гавриил и матушка императрица сегодня меня допросили по сему факту. Завтра станет допрашивать сам Шешковский. А я – ни сном ни духом,

почему такая замятня вокруг легенды о македонце. Если можешь – выручи. Твой друг Пётр Словцов».

– Ясно, – сказал цесаревич Александр Павлович. – Курьер! Выйди, подожди в коридоре!

У поручика Егорова малость отлегло от груди, а склизкое чувство страха утянулось ниже колен, под голенища сапог. Он вышел и тихонько прикрыл дверь в кабинет царицына внука.

Иван Мартынов расхохотался:

– Вот же, а! Только про Словцова проговорили, а он тут как тут!

– Как чёрт из табакерки, – насупившись, дополнил цесаревич Александр Павлович. – Поясни-ка мне, Миша, что значит сие появление Словцова в Петербурге?

– Ну, нашлась вдруг в Европах куча документов, будто Александр Македонский давно-предавно и в наших землях был. И с русскими князьями воевал, был ими побеждён, а потому дал русским князьям грамоту, вроде дарственной записи, что они, наши князья, русскими землями, каковые включают и Сибирь, и даже Камчатку, владеют легитимно и по его разрешению.

Иван Мартынов заметил вдруг в глазах императрицыного внука верный интерес. С чего бы это он поверил такой благоглупости?

А Черкутинский заторопился говорить далее:

– Ну и требуют от нас иноземцы, – об этом мы три дня назад вот здесь и говорили, – требуют иноземцы, чтобы императрица наша опубликовала в Европах сию дарственную грамоту македонца русским князьям. А если, мол, такой грамоты нет, то европейцы создадут коалицию всех своих государств и наши земли разделят между собой.

– Так что, есть такая грамота от Александра Македонского? – вскричал будущий император. – Или нет?

– Есть шесть списков. И на греческом языке, и на сербском, и на русском...

Михаил Михайлович Черкутинский говорил гладко и споро, а сам отчётливо помнил наказ своего теперешнего учителя, иезуита и француза Фаре де Симона. Тот, не моргая, уже месяц твердил ему, Мишке Черкутинскому: «Буде у цесаревича зайдёт какой разговор о “Дарственной Александра Македонского”, тебе, юноша бледный, надо все силы употребить, дабы наилегчайше и тишайше, но толкать и толкать цесаревича к публикации в Петербургской газете “Ведомости” литографии той грамоты. Российский народ должен узнать великую правду»!

Фаре де Симон не договаривал одной лишь фразы: «Чтобы та русская правда взорвалась бунтами черни с последующим членением России на королевства, улусы и княжества. То бишь – на ханства».

В разговор вмешался, предварительно опрокинув внутрь стакан мадеры, Иван Мартынов:

– Брось, Мишка, пылить мозги будущего Императора Всероссийского разной гадостью! Петька Словцов прав: не было в истории никакого царя Александра Македонского!

– История учит, что был! – поспешно ответил Михаил Черкутинский. – Был, был, был!

Уже довольно выпивший Иван Мартынов подошёл к цесаревичу, положил ему руку на плечо и задушевно молвил:

– Не было македонца! Это, Саша, есть провокация, и я бы даже сказал – афёра. Европейская ли, турецкая ли, не ведаю, но афёра. Нам Петька Словцов ещё в семинарии доказал, что македонец тот в Сибири никогда не был и даже, что самого этого героя на свете не было. Греки всё придумали, и все его подвиги списали... из древних архивов нашей Второй Византийской империи. Каковые потом, конечно, уничтожили. За большие деньги и я второго Геракла придумаю...

– Обожди, обожди! – раздражённо проговорил Александр Павлович, сбросив руку Ивана со своего плеча, – давайте, говорите мне подробнее!

У него стали сжиматься и разжиматься кулаки. Это – злость, нет, это даже бешенство. Это от отца его, Павла Петровича, к сыну перешло – кулаки сжимать и орать... А к Павлу Петровичу перешло от отца его, графа Салтыкова, махом запущенного в спальню тогда ещё Великой княгини Екатерины Алексеевны перепуганными высшими людьми государства. Ведь Пётр Третий, покойный муж Екатерины, скотина этакая, был импотентом самого верного свойства! И не мог бы естеством своим сотворить наследника такой огромной империи!

Правильно, что Петра Третьего в Ропше малость придушили...

Иван Мартынов поглядел на стушевавшегося Михайлу Черкутинского и весело заговорил, обращаясь к цесаревичу Александру:

– Вот ты, Саша, ведь проходишь курс полководческих и всяких других воинских наук? Посуди теперь сам как истый полководец: можно ли пешим ходом, да ещё со слонами да с обозами, перейти горы, что отделяют Индию от Китая, а потом из Китая пройти шесть тысяч верст до Сибири. Скажем, до реки Оби?

– Можно, – не прекращая сжимать кулаки, ответил наследник российского престола.

– И мы согласны, что можно, – продолжал Мартынов, – но за какой срок? Ты сам знаешь, тебя учили, что армия с обозами идёт по двадцать пять вёрст в сутки. Потом ночь отдыхает, потом опять... двадцать пять! Подели расстояние, Михайло!

– Я в математике не силён, – оборвал Мартынова Черкутинский и ушагал в дальний угол кабинета, будто водки себе налить. Сволочь хохляцкая этот Ванька Мартынов. Надобно подсказать иезуитам, чтобы его срочно загнали подальше Сибири. В самые льды! Или в могилу. А то ведь он умом-то будет посильнее самого Черкутинского. А таких мозговитых не надо держать возле будущего Императора. И вообще – возле российского императора. Иначе вся Европа будет одной, российской империей... Чего рьяно добивался, кстати, Пётр Первый. Кое-как, но отбили у него эту жажду примитивным испанским сифилисом. Иначе... Ох!

– Ладно, я уже сам расстояния на дни поделил! – рассмеялся Мартынов. – Вот, следи за моими расчетами, Великий князь Александр. Если не считать времени на преодоление Тянь-Шаньских перевалов высотой в шесть вёрст, то от Индии и до верховьев реки Оби идти бы македонцу непрерывно... всего-то год! А с преодолением непроходимых перевалов – и полутора лет не хватит! Македонец тот, так балакают иноземцы, многие блага принёс сибирским народам. По уверениям европейцев, он построил каменную крепость в устье реки Амур напротив Камчатки...

Александр Павлович нахмурился:

– Сочиняешь! Каменную крепость поставил... Там два наших острога деревянных стоит и сто казаков... или всего семьдесят... Чтобы каменный город там поставить, там надобно армию иметь. А возле боевой армии иметь другую армию – пашенных крестьян...

Иван Мартынов в голос расхохотался:

– Вот так и брешут везде европейцы. До устья Амура от реки Оби нашей современной армии идти пешим ходом год. Да крепость построить – тоже надобен год! Итого – три года пребывания в походе на Сибирь да в Сибири. А от Камчатки идти назад в Персию еще два года. Итого – пять лет! По моим очень скромным подсчётам. Македонец же, по уверениям греков, к тому времени был уже мёртв, а кто это тогда ходил до Ермака по нашей Сибири?

– Чингисхан ходил до Ермака, – внезапно ответил цесаревич Александр Павлович, думая всё же не о свирепом монгольском полководце древности, а о том, в какую подлую выгребную ямину попала бабка его Екатерина. И ему, Александру, придётся что ли выгребаться из всякого европейского дерьма, надевши во благовремение императорскую корону? В таких случаях многознающие советники бывают ох как нужны! У него-то вот советники есть... И слава Богу, что не в одну дуду дудят, а в разные. Ему есть какое мнение выбирать.

– А вот мне, как если бы я был государь российский, мне бы что посоветовали? – спросил цесаревич. – Печатать в газете ту «Дарственную» или нет?

Мартынов только сунулся ответить, как его опередил Мишка Черкутинский. И не мог не опередить, ибо как раз вчера иезуитский наставник Фаре де Симон вдолбил ему в голову, чтобы ту грамоту – немедля опубликовать! Хоть за свой счёт и тайно. И тотчас будущему наследнику российского престола, не Павлу Петровичу, а ему, Александру Павловичу, будет хорошо и мирно жить с Европой!

– Мы бы посоветовали тебе ту грамоту опубликовать. Бабке твоей, Великой Императрице, сейчас не до всяких исторических фантазий. У неё французские революции в голове. И мысли – как отгородить от них Россию? Ибо срочная газетная публикация... – Тут Мишка Черкутинский увидел верчение пальца у виска Ивана Мартынова. Но смело продолжил: – Срочная публикация снимет напряжённость в европейских политических кругах вокруг... твоей империи...

Цесаревич Александр Павлович снова заходил по кабинету. Слова насчёт «твоей империи» он, видать, не дослышал, хотя они громко были сказаны. Или пропустил те лизучие слова Мишки Черкутинского мимо своей лысой головы. Скользнули они по цесаревской богатой лысине...

Александр Павлович остановился возле красиво вырезанного из африканского дерева письменного бюро. Над письменным бюро французской работы висел портрет его бабки, ныне здравствующей императрицы. Она вроде хмурилась сквозь державную улыбку. Рядом с портретом бабки висел портрет отца цесаревича, Павла Петровича. То ли от свечей, то ли от теней на стене, но отец явно хмурился и даже как бы негодовал.

И занавесить эти портреты нельзя, не к тому они здесь повешены, чтобы иногда прятаться...

Да, будь бы он сейчас Император Александр Первый, эту Дарственную грамоту греческого полководца опубликовал. Точно! В газетном разделе: «Разные нелепицы».

– Так это... Саша... как бы помочь нашему другу, Петру Словцову? – напомнил наследнику Иван Мартынов. Наследника следовало отвлечь на время от мыслей про Македонца. На эту тему говорить надобно без Мишки Черкутинского. Мартынов знал про его некие шашни с иезуитами. Впрочем, с иезуитами, то бишь – польскими евреями, но под католическими балахонами, в Петербурге многие сановные сынки шашни водили. Ради денег. Ради денег, это ничего, это

пусть. Молодость, она денег стоит! А вот как станется, когда молодые сановники заменят своих отцов? Худо будет России, худо будет! И многие великие роды впадут в нищету и сгинут. А наверх вылезет польская, немецкая, да и теперь уже видать – французская чиновная нечисть. Эх, Рассея, ты Рассея, под кого ты улеглась? Под масонскую курвяную нечисть!

Глава десятая

Александр Павлович ходил в это время нервными шагами, высоко задирая колени, затянутые в кожу новёхоньких кавалерийских сапог. Внезапно остановился лицом к лицу с Мартыновым:

– Мне надо помочь? Кому? Государственному преступнику? – Александр Павлович снова стал нервно ходить по кабинету, на поворотах цепляясь шпорой о шпору. – Налей винца мне, пока я думаю. Да нет, лучше водки налей, не вина. Мозги что-то от вашего Македонца застыли.

Он позвонил прислуге, дёрнув за пристенный шнурок.

– Закусить чем водку. Живо! – приказал всунувшемуся в дверь сонному лакею.

Цесаревич ещё походил по кабинету. Иван Мартынов и Михаил Черкутинский неуверенно переглянулись. С Сашкой Романовым, прямым и явным имперским наследником, такого приступа нервности при них ещё не случалось.

Александр Павлович притопнул ботфортом, подошёл к секретеру, выдвинул звякнувший металлом потайной ящик, достал шёлковый, длинный, как немецкая колбаса, сверток. В свёртке тонко звякнуло золото. Протянул золото Черкутинскому.

– Вот этим помогу, а более – ничем. Понял?

Иван Мартынов отвернулся. Вот тебе и наследник трона, справедливый и мудрый будущий царь всея Руси. Откупается от человека и от его судьбы!

– Иди, курьеру золото отдай и скажи, чтобы больше ни меня, ни тебя этим... сибирским медведем не смели тревожить! Нам до него долго дела не будет. А вот когда я до престола дойду...

Цесаревич не договорил и хлопнул залпом серебряную чару водки, налитую доверху. А ведь закуску под водку ещё не принесли...

Иван Мартынов поморщился вслед за наследником. Хотя водки и не пил.

Да, тёмные дела кто-то мутит в империи, ох и тёмные...

* * *

Пока Черкутинский выходил в коридор к ожидающему поручику тайной экспедиции, он свёрток взвесил. Там было на триста рублей золотом, тридцать монет по червонцу. Условно говоря. Ибо императрица Екатерина чеканила эти червонцы исключительно для внутреннего, дворцового потребления. Чтобы вести расчёт при дворцовой игре в карты, или чем дать хорошему слуге «на чай», или что подать обнищавшему дворянину вместо «земли и деревень».

В столице и за её пределами монеты запрещено было принимать, официального хождения они не имели. И обозначенного номинала – «червонец» или «десять рублей» – на тех монетах не выбивалось. Так, устно, назывались они «червонец» и весили десять граммов золота. И стоил такой «червонец» по серебряному паритету, столько, сколько стоил и серебряный рубль с профилем Императрицы Екатерины. А по тихому договору, известному, впрочем, всем понимающим людям, один золотой кругляш, «катеринка», стоил в Санкт-Петербурге, при расчёте в тёмном месте, без свидетелей, – двадцать рублей екатерининским же серебром...

Ибо была та монета с профилем молодой когда-то Российской императрицы Екатерины Второй заново отчеканена механиком Кулибиным. И был тот золотой кружок тридцать лет назад не монетой, а был весьма престижной медалью, коей тогда, уже давно, награждались те, кто возвёл молодую немку на Российский престол... А теперь, в последние времена, просто шла безудержная дочеканка этих уже не медалей, а просто монет в тайной мастерской императрицы. Там ещё не то чеканили... Нельзя о том и говорить, но много разностей воровского

свойства чеканилось и работалось в тайной мастерской императрицы, что стояла позади дворца. Об этом только лейб-мастер Кулибин знает. У него голова большая, лоб широкий, много чего хранится подо лбом...

* * *

Поручик Егоров вернулся на гауптвахту с сильным сомнением – того ли он добился, попав аж к самому Александру Павловичу? И помог ли Михаил Михайлович Черкутинский государственному преступнику?

– Вот! – протянув мешочек с золотом Петру Андреевичу, сообщил поручик Егоров. – Сам цесаревич принял участие в вашей судьбе.

Пётр Андреевич отвернулся к окну, что виднелось под самым потолком, чуток помолился, потом сказал:

– Спасибо и вам, и цесаревичу. А мешочек с золотом, господин поручик, попрошу держать либо при себе, либо дома...

– Никак не могу! – отрапортовал поручик.

– Завтра меня к Шешковскому поведут, – пояснил государственный преступник. – А от него редко кто выходит в ту дверь, в которую входил...

В караульной комнате гауптвахты стояла древняя, кое-где лопнувшая по доскам бочка с песком на случай пожара или иных бедствий. Под ту бочку Егоров и спрятал «колбаску» с тонко звеневшим золотом. Пока возился, поправляя мешочек под древней бочкой, шнурок развязался и под ноги Егорову катнулся жёлтый кружок монеты. Чеканный профиль молодой Екатерины так резко бросился в глаза, что поручик зажмурился. Екатерина молодая и старая теперь императрица, так явно выходило, совсем разные люди. Бабушка она нынче, императрица Российская, как есть толстая, полинявшая бабушка...

* * *

В ту ночь Платон Зубов мрачно и голодно маялся в царской спальне. Екатерина всё не шла. Засиделась в кабинете. Иногда Зубов сквозь плохо прикрытую дверь туалетной комнаты слышал, как Екатерина ходила там за ширму, что-то бормотала на немецком языке.

Сегодня после ночной забавы надо было просить императрицу за судьбу какого-то сержантика Малозёмова. Ибо личный камердинер Платона Зубова оказался родным дядькой тому сержантику Малозёмову! И за того сержантика камердинер передал ему, фавориту, огромный изумруд в качестве оплаты императрице за грошовую услугу. И ту услугу насчёт племянника Малозёмова надобно обязательно озвучить императрице. Стоил тот изумруд – точно – пять пудов серебряных екатерининских рублей. Но Платоша Зубов поставил себе за правило, по настоянию родственников, что человека ниже статуса генерала, своим именем не трепать об Катюку.

«Немки, они, паскуды, ничего не забывают! – говаривал императрицыну фавориту Платону Зубову его старший брат, женатый на дочери полководца и фельдмаршала Александра Суворова. – Ты за барона какого-нибудь попросишь иноземного, на деньги его польстишься, а он окажется польским паном, у коего один дом да огород. И он к тому же окажется жидом, шинкарём. Понял? Только за русских проси! И чтоб были не ниже генерала»!

Фамилия Малозёмов, вроде русская, да ведь он сержант! Всего лишь! И совершенно безродный. А изумруд больно хорош! Ох и хорош! Его на крышку золочёной шкатулки с бумагами от императрицы оправить – вызвать немалое умиление Катюки.

Но – нельзя!

А надо... Ох как надоооо!

Глава одиннадцатая

Личный камердинер Платоши сегодня перед отъездом фаворита во дворец подошёл к Зубову с просьбой от имени фаворита кое-что попросить у

императрицы и передать ей «вот это». И показал изумруд. Услышав от фаворита про «нельзя», криво ухмыльнулся и вышел из кабинета. Не стал коленками биться об пол, не стал в голос умолять Платона Зубова. Вышел – и делу конец.

Что случилось дальше, Платон Зубов желал бы не вспоминать. Да, видать, и на краю могилы тот ужас ему ещё припомнится...

Одевшись и выйдя на крыльцо к карете, Платоша заметил человека, стоявшего на коленях возле заднего каретного колеса...

Как назло, ливрейные лакеи подзадержались в прихожей, чего-то там разбирали, а личного кучера на козлах кареты совсем не виднелось. И вообще на широком пространстве дворцового подъезда людей не виднелось. Платоша изумлённо оглянулся на парадный вход. По обычаю, в нишах по бокам парадного дворцового входа стояли гвардейцы из личного охранного полка императрицы. И вот тебе – не стояли именно сейчас гвардейцы с ружьями, с примкнутыми к ним штыками!

А человек тот, что притулился возле каретного колеса, вдруг поднялся с колен. Был он в короткой шубейке, в толстых стёганных штанах, в московской, ломаной в трети красной шапке. А в руке его сверкнул длинный и узкий нож.

– А-а-а! – протянул тонким шёпотом Платон Зубов. И повернулся было бежать от кареты на крыльцо.

– Не успеешь, сволочь, – отчётливо сказал сзади тот человек. Махнул рукой и отрезал правый карман на тёплом камзоле фаворита. – Я сейчас тебя совершенно зарежу. Прямо в сердце. Хошь?

– Кольца... вот, дам, перстни, денег... дам... – сипел Платон Зубов, пока к его левой половине груди тянулся нож. Нож дотянулся до груди и упёрся в орден Андрея Первозванного.

– На хер мне твои перстни? – хрипло отвечал человек, дыша на фаворита табаком и водкой. – Мне бы кровя твои увидеть. Правда ли, что оне – голубые?

– К-к-красные...

– Вот то-то и оно! – веско сказал человек. – Красные! А ведёшь себя как последняя профура. Тебя честью просят хорошие люди...

Тут из-за позадков огромной кареты невозмутимо вышагнул личный камердинер фаворита, махнул короткой палкой в правой руке. Шипастый шар на конце палки, привязанный к короткой цепи, попал точно посередине головы страшного человека. Голова отчётливо треснула. А из дворца уже бежали лакеи, четверо гвардейцев тоже появились и тут же подняли покушеница на штыки.

Кучер уже сидел на облучке и тпрукал шестёрку лошадей...

Сон, что ли?

Нет, не сон. Ливрейные лакеи, огромные здоровяки, уже встали на запятки кареты. Камердинер осторожно потянул за локоть Платона Зубова, втолкнул его в чистое, белое нутро кареты. И сам туда запрыгнул. Захлопнул дверь, дёрнул шнурок. Над кучером тренькнул колоколец, и шестёрка белых донских скакунов взяла сразу в наём, проскочила ворота и пошла мчать на невскую перспективу, к Зимнему дворцу.

– Вот оно как по жизни бывает, ваше сиятельство, – сказал фавориту его личный камердинер. – Век живи – век учись!

Правой рукой мелко-мелко дрожащий фаворит принял от личного камердинера огромный изумруд и так ехал с изумрудом в руке до поворота во внутренний двор императрицыного дворца.

На повороте камердинер ловко вывалился в подходящий сугроб. К нему тотчас подкатили лёгкие санки ямского лихача. Подкатили и исчезли с глаз фаворита...

* * *

Теперь вот он исходил испариной под тонкой простынёй в спальне императрицы и со страхом ждал, когда Катька взойдёт на постель и скажет:

– Ну, давай, только не быстро!

* * *

– Der Teufel soll das buseriren![4 - Черт бы все это побрал! (нем.)] – выругалась императрица, читая очередную спешную и тайную депешу из-за рубежа. Депеша числилась посланной из Голландии, но писал её на французских землях, в королевском дворце Фонтенбло, немецкий герцог из юнкерского рода Кейзерлинг, подвизавшийся секретарём в посольстве Пруссии при дворе Людовика Шестнадцатого. У императрицы Российской он числился в шпионах.

Кейзерлинг (Екатерина сверилась с календарём) ещё 1 декабря 1793 года играл в карты в Фонтенбло, где между прочими пятью игроками затесался некий швейцарский барон Халлер. (Yude![5 - Жид! (нем.)]) – пометил на полях письма герцог Кайзерлинг. Пометил то, что Екатерина давно знала и за этим человеком следила. Не сама следила, двадцать человек за российские деньги или французские лиры пасли по всей Европе каждый жест этого человека. Отчёты о его деяниях проходили мимо «чёрного кабинета» Екатерины и хоть днём, хоть ночью передавались в руки императрицы. Барон Халлер, Екатерина чувствовала это всем тридцатилетним опытом царствующей властительницы половины земной тверди, расставлял фигуры на европейском поле, да так расставлял, чтобы Россия обязательно проиграла. И чтобы победил... никому пока не известный генерал Наполеон.

Екатерина поглядела на потухшие угли камина, поплотнее накинула шаль из козьего пуха оренбургской вязки, вернулась к чтению второго листа донесения герцога Кайзерлинга:

«...Он (барон Халлер) обхаживает по своим, якобы купеческим интересам, старшину посольского корпуса во Франции, англичанина Джерома, лорда Челси. И вот тут, на карточной игре, барон проговорился. Сразу понятно, что нарочно проговорился. “Милейший лорд Челси”, так говорил тот барон Халлер, – читала в бешенстве Екатерина, – Англия имеет монополию на продажу готовых шерстяных изделий не только в Европе, но и в Азии, и в американских колониях. (Так, Ваше Императорское Величество, слово в слово говорил барон Халлер). Это устроили мы, “Швейцарские гномы”... Не стоит и говорить, милейший лорд, что Франция удостоилась монополии на производство набивных шёлковых и хлопковых тканей благодаря полной нашей поддержке. Россия же не имеет никакой монополии ни на что. Она сама по себе есть монополия. Но этот фактус есть преступление против всех заинтересованных стран. Значит, либо добром,

либо штыком, либо ловкой аферой, но Россию надо принудить отдать торговлю своим лесом одной стране, торговлю своим льном – второй стране, а уж медь и чугун возьмите себе вы, англичане. У вас есть способы переработки металлов, лучшие в мире, поэтому металлы пусть отойдут вам. А Россия пусть лишь добывает из земли и воды то, что мы ей скажем. Но от непосредственной торговли её надо отлучить. Отлучить силой, либо полным политическим понуждением...»

Екатерина потянулась к колокольцу на столе, вызвонить секретаря. Но ведь уже два часа ночи, спит, подлец секретарь, на софе в приёмном зале. Она повернулась к французскому шкафу, выбрала маленький ключик на поясе и подняла вверх дверцу, с виду служившую частью столешницы. Оттуда, из глубины, императрица вынула за кольцо серебряный поставец, на котором укрепилась большая бутылка с напитком цвета тусклого золота, золотые стопочки, серебряные стаканы, твёрдая, копчёная немецкая колбаса, лимоны и орехи. Екатерина было наклонила бутылку над золотой стопочкой, но внезапно повернула горлышко в сторону. И жидкость полилась в большой серебряный стакан.

Императрица вдруг вспомнила, как тридцать лет назад, после дворцового переворота, её гвардейцы пили из ковшей водку, почерпнутую в бочках. Поднесут ковш ко рту, выдохнут воздух в сторону, и тотчас выпьют весь ковш, не отрываясь! Напиток в тайной бутылки, знала Екатерина, был крепче дворцовой водки. Раза в два крепче! Его называли «ром», и ром во дворце считался лекарством. Ноги растирать, колени, локти, если ноют. Лекарство, как же! «Для русских всё есть смерть и всё есть лекарство», – сказал как-то великий полководец Суворов Александр Васильевич на званом обеде в свою честь по случаю его очередной победы над турками. И стакан, полный стакан вот этого «лекарства», выпил разом, а потом только понюхал обшлаг нового генеральского мундира. То бишь, «закусил».

Екатерина поднесла серебряный стакан ко рту, на мгновение подумала о том, что унюхает у неё изо рта фаворит, ждущий в постели, и опять помянула чёрта.

Выдохнула в сторону и разом выпила. И тотчас же понюхала пополам порезанный лимон. Потом лимон съела.

Стало императрице вдруг весело, и бешенство её прошло.

Она повернулась к рабочему столу, взяла письмо, продолжила чтение доноса герцога Кейзерлинга.

«...Игроки уставились в карты, и никто не подал в ответ на явную наглость барона ни слова. Тогда я, Ваше Величество, изволил громко заметить барону, что карточный стол не место для громких бормотаний про политику. На что мне Халлер ничего за игровым столом не ответил, а после карточной партии отвёл в сторону и предложил мне горсть бриллиантов, дабы я более не посещал игорных комнат замка Фонтенбло...».

– Ну, это мне решать – кому посещать Фонтенбло, а кому глотать ил в реке Сене! – в бешенстве воскликнула императрица бутылке с коричневым напитком.

Глава двенадцатая

Императрица Екатерина Вторая доподлинно ведала, что кусок летописи про униженную просьбу руссов якобы к скандинавским конунгам, чтобы «пришли и владели», сочинил и вставил в летопись монах Филарет, отец Мишки Романова, избранного русским царем сразу после Смутного времени. Об этом стыдном фактесе ведал Михайло Ломоносов и тот фактес сохранил в анналах истории... Хвала Гришке Орлову, что все ломоносовские бумаги свалены в монастырский подвал, давно уж поди сгнили, а сам он, Мишка Ломоносов, уже давно изучает травяные корни. Снизу... и лёжа под могильным камнем.

А Филарет... Мишки Романова отец, тот всегда старался словчить, где попало. И как его не прирезал Иван Грозный? Тому, истинному царю, ничего не стоило снести башки самозванным боярам, прибежавшим на Русь от подлых ромеев в годину арабского взятия Константинополя. Или как этот город назывался двести лет назад? А, Царьград! А от «ромеев» и пошли «Романовы». А Рюрика никто и не звал. Он сам пришёл на Русь с юга, прошибив Кавказ, как топор прошибает голову. И с ним двести копейщиков. Прости Господи, такая сила! В ту пору, да двести копий, то бишь ножей, насаженных на длинные жерди, всё равно, что ныне двести пушек, да ядра к ним по десять фунтов каждое... Тогда, в те времена, не токмо, что Киев, тогда и Англию с такими ножами повоевать можно было... В те благословенные времена. Да...

Екатерина, будто лошадь, вспрыгнула головой, прогоняя напаренные крепким спиртом мысли... Вернулась к столу.

Тому, что писал герцог Кейзерлинг, стоило дважды верить. Ещё его отец, старый герцог Кейзерлинг, когда молодая Екатерина взошла на престол, давно и прочно шпионил в Польше на пользу России. За немалые кучи ефимок. Но те кучи серебра старый Кайзерлинг с герцогской честью перед Россией отработал. Старый Кайзерлинг создал в сумётной и бестолковой ляховской стране целых три партии, натравил их друг на друга и, царство ему небесное, на древний трон Пястов сел любовник Екатерины граф Понятовский. Чего России и хотелось... Теперь вот сын того российского шпиона вполне грамотно продолжает дело отца. Шпионит в пользу Российской империи. А на что бы им жить, этим немецким герцогам Кейзерлингам, когда половина их замка в Померании осыпалась, а вторая половина светится щелями, как платье гулящей девки!

Екатерина нашла то место письма, где её резанула строка «Русские сами попросят нас, то есть Европу, конечно, взять их в наше владение». В владение вот таких Халлеров, что ли? Не ведает, что ли, сей барон, что ещё со времен Рюрика даже въезд жидов на территорию Киевских и прочих русских земель был под великим запретом? Что в городе Киеве был первый в Европе накопитель евреев, что ныне в просвещенных землях зовут немецким словом «гетто»? Тётка покойного мужа Екатерины, Петра Третьего, императрица Елизавета Петровна как-то узрела в Петербурге аж целый переулочек, заселённый жидами. И узрела в тот момент, когда они изображали из себя истинную свою сущность. И справляли свой языческий праздник кущей, праздник козлопасов, когда возле своих вполне каменных домов выстроили пастушеские шалаши и в тех шалашах орали песни и предавались пьяному разврату во время Великого православного поста! Генерал-полицмейстер этим же вечером, трясясь от страха, доложил взбешенной императрице Елизавете Петровне, что «жиды, ваше императорское величество, выгнаны из города в чём были, а дома их порушены, и того, жидовского переулочка больше нет...».

– Возведите это в полицейский закон! – распорядилась тогда императрица Елизавета Петровна.

Тот закон действует до сих пор. И вряд ли кто его отменит. Какой бы русский государь вдруг распорядился запустить в государство крыс? Строку про «наше владение» Екатерина подчеркнула красными чернилами, и все листы донесения герцога Кейзерлинга спрятала в секретное отделение письменного

стола.

А ведь Кейзерлинг очень прямо и по-немецки напоминает императрице, что не мешало бы денег за его тайную работу. «Предложил мне жид горсть бриллиантов...» Нужно бы немедля поддержать прусского посланника и русского шпиона. Но чем поддержать? Золота в Европе достаточно, серебром хоть мостовые улаживай, а вот бриллианты, это – да, нынче это модно. Сейчас бриллианты в большой цене, а чем их перешибить? Что может перешибить блеск бриллиантов, огранённых голландскими жидами?

Императрица просто так, для порядка, перелистала настольный календарь и стукнула кулаком по бумажным листам: «Завтра Рождество, двадцать пятое число декабря! Чуть Рождество не прозевала»!

В спальне, слышалось Екатерине, Платоша то ли плачет, то ли во сне так сопит. Она немедля прошла в туалетную комнату, сбросила тёплый халат, оглядела ночную сорочку, пригладила волосы на голове и, взяв подсвечник с одной горящей свечой, вошла в спальню. Платоша не спал и тут же откинул одеяло с той стороны, где лечь Императрице. Екатерина собралась, было, задуть свечу, но её вдруг испугало лицо Платоши. Обычно розовое, и розовое даже без всяких сурмян, теперь его лицо просто отчаянно бледнело при свете одной свечи.

– Ты что, заболел, мой друг? – участливо спросила императрица.

– Нет, нет, *maine lieber* [6 - Моя дорогая (нем.)]... – засуетился Зубов. – Просто приготовил тебе подарок, да его вручать надо бы пораньше. При свече не тот цвет у моего презента станется. Как и моё лицо...

Испуганная речь фаворита не понравилась матушке императрице.

– Давай, кажи подарок, чего там, – зевнула она. Зевок давал понять Платону Зубову, что ночь пройдёт спокойно, в том смысле, для чего предназначены ночи – только для сна.

Зубов как-то легко выдохнул после этих слов и протянул Екатерине изумруд.

Огромный изумруд! Таких камней императрица ещё не видела, хотя её минералогический кабинет гранил весьма разнообразные и весьма дорогие камни. Огромный зелёный камень, поданный Зубовым, уже имел огранку, и огранку не отечественного свойства.

Екатерина подержала камень в руке. Он руку охлаждал, что не бывает с такими камнями. Но тут матушка императрица вспомнила, что выпила чуть ли не стакан рома, чем сильно разогрела тело, и засмеялась. Он неё самой сейчас должно нести жаром. А ежели такой камень, нет, именно этот камень, да с нарочным гонцом послать в Фонтенбло? Прямо во Францию? Там есть люди, передадут камень тишком да молчком Кейзерлингу. Ну и кошель с золотом. Со старинными венецианскими цехинами. Хороший ход, верный.

– Вижу, что камень непростой, – ласково заговорила Екатерина, засунув руку под одеяло в сторону Платоши. – И вижу, что настроен ты только просить меня, а на что другое – не настроен. Ну, проси!

– Ты сегодня особого фельдъегеря, сержанта Малозёмова, приказала сослать простым солдатом в киргиз-кайсацкие степи. Пусть парень останется здесь, а? Я возьму этого тупого балбеса себе в личные слуги. Тупой слуга лучше умных трёх, ведь так?

То, о чём просил сейчас Платон Зубов, не имело прецедента в собрании неписанных историй Екатерининского фавора. Просто дурь какая-то. За солдата просит, а таким дорогим камнем свою просьбу утверждает...

– Он тебе что, полюбовник... этот солдат? – хищно спросила Екатерина, не без точного смысла попрекая Платошу в скверножитии, каковое бывает между молодыми мужчинами.

– Он единственный племянник моего личного камердинера! – тотчас выкрикнул Платон. – Убивается за племянника мой камердинер, а я желаю спокойно жить! В неге и постоянной к тебе любви! Без посторонних притеснений ума и сердца!

Как мальчишка, право...

– Ладно, – ответила Екатерина, встав с постели и любуясь огромным изумрудом при свечном свете, – иди теперь к себе в спальню и спи. Утром меня не тревожь,

некогда будет мне. И... это... сам утром подойди к управителю моей личной канцелярии. Там исправь, что надо про этого солдата. Иди к себе, кому сказано!

Глава тринадцатая

Фаре де Симон, глава тайной иезуитской миссии в России, сидел в своей торговой лавке на дворцовой площади, там, где её край утыкался в забор, отгораживающий площадь от реки Невы. Над входом в лавку висела саженной длины вывеска: «Колониальные товары», и с обеих сторон вывески болтались на цепях изображения тех товаров. С одной стороны – гроздь перца (русские прозвали их «лошадиными яблоками»), а с другой стороны – два лимона, которые те же русские прозвали «конские жемуртки», то есть производительные причиндалы жеребца. Ибо так похоже было нарисовано.

Хозяин лавки об этих прозваниях не ведал, а если бы и ведал, то сам бы смеялся, ибо всех русских почитал за грязную скотинку, даже своих соседей – купцов. Но Фаре де Симон, как бы натуральный купец, пил чай положенным купеческим образом, наливая кипятком из самовара в заварной чайник, а из чайника – в блюдечко. К чаю всегда ел мёд с белой ситной булкой. И пил он чай исключительно один.

Соседи-купцы считали сие одинокое действие не просто баловством иноземца, а его выпячиванием перед ними. И чтобы за то выпячивание иноземцу «насолить», своих покупателей, вдруг являвшихся к ним с бумажными деньгами, сиречь – с царскими ассигнациями, гнали менять ассигнации на серебро к подлому иностранцу. А тот ничего, менял серые бумажки на серебро и маржи за обмен не брал. А ведь за пять рублей одной бумажкой в эту зиму давали только четыре рубля с полтиною чистым серебром. А полтина, как её ни разглядывай, деньга очень большая, на полтину чистым серебром нынче можно два барана укупить, или четырёх жирных гусей! Балда заморская, тупая сидит в соседней лавке, одно слово!

Подкатил на ямском рысаке к лавке иноземца Мишка Черкутинский. Ямщика отпустил, огляделся и нырнул под вывеску «Колониальные товары». Мишку-поляка местные купцы знали. Говорили, что он сильненький, с самим

Александром Павловичем дружбу водит, с внуком императрицы Екатерины, дай ей Бог долгих лет жизни. Только вот какая беда в нём притаилась, в Мишке-то. Он, польский барин, кроме одной – иноземной – лавки, других лавок не посещает. Это и подозрительно.

Об этом русские купцы не раз доносили градоначальнику, да тот только отмахивался. «Домахаешься, – говорили тогда купцы, – вот когда беда придёт, вспомнишь нас, доброхотов!» Большой кошель со взяточными деньгами купцы тогда прятали, а оставляли градоначальнику малый кошель и уходили...

* * *

Тренькнул звонок над дверью и в лавку Фаре де Симона зашёл в неурочный час Мишка Черкутинский.

– Ты пошто экипаж отпустил? – набросился на Черкутинского иезуит. – От меня на виду у всех пешком пойдёшь? Очумел?

– Ямской кучер сделает круг по Невскому прешпекту, чтобы лошадь не застаивать на морозе, и вернётся, – пояснил Мишка иноземцу, так и не привыкшему к русским холодам и к обычаям ямской езды. – У меня вчера интервенция образовалась возле принца Александра Павловича.

Фаре де Симон отставил чай в сторону и мигом навалил на прилавок разных диковин, на случай постороннего посетителя.

– Говори.

– Императрица совсем уж была склонна поверить в афёру с дарственным письмом Александра Македонского русским князьям, да тут в Сибири отыскался некий прелат...

Мишка Черкутинский не мог иначе передать понятие «проповедник», а жидовское слово «пророк» к личности Петра Словцова не подходило.

– Имя?

– Пётр Словцов. Я с ним одновременно учился в Академии Невской лавры. Этот дурак там, в Сибири, стал публично доказывать, что никакого Александра Македонского ни в Сибири, ни вообще на свете и не было. И доказывал, скотина, на явных письменных примерах...

– Убит?

– Его убьёшь... Привезён распоряжением императрицы в Петербург фельдъегерским гоном, вчера ею допрошен, а сегодня допрос его станет вести сам Шешковский...

Фаре де Симон расслабился в широком тёплом кресле, подлил в блюдечко горячего чая:

– Шешковский – это хорошо. Значит, сибирского дурака повесят завтра.

– Петьку Словцова надобно знать! – загорячился Мишка Черкутинский. – Он... он бы и Моисея уговорил не бежать из Египта! А уж старика Шешковского – тьфу! Он запросто уговорит Шешковского, что Македонского не было!

– Не юродствуй на богоизбранный наш народ! – внезапно возопил Фаре де Симон. – Говори прямо – кого надобно... убрать? Сибирского болтуна?

– Его Шешковский, дай Бог, приберёт. А вот есть тут фельдъегерь, поручик Тайной экспедиции Егоров. Он вчера зашёл прямо к его высочеству Александру Павловичу в кабинет...

– И что?

– И нагло попросил заступиться за Петьку Словцова.

– И что?

– Будущий император отвалил золотом триста рублей... на спасение души этого... словоблудца.

– Ты считаешь, таким образом, что нам никак не заставить Катюку признаться в том, что все земли Российской империи – славянским баранам да русским свиньям – подарены? Александром Македонским подарены? Пусть его и не было в перечне живых, но бумаги о нём есть! Есть! Бумага решает дело!

Мишка Черкутинский промолчал. Отёк коровьим лицом, обретённым от отца, порождённого в уже совершенно угасшем роду, где все младенцы рождались тихо, без ора и плача, и так же тихо помирали в детстве. Мишку Черкутинского отцу удалось за десять злотых тайком зачать не с родной супругой, а с полнотелой польской молочницей, вот он и дожил уже до тридцати лет. Но лицо так и осталось уродским, как у помазанного сахаром отца-дебила.

Работать в этой стране приходится с тем, кто есть. Есть дебил Мишка Черкутинский, с ним и работать приходится...

Фаре де Симон вышел из-за прилавка, осторожно выглянул в оконце. Народ возле его лавки не толпился.

– Считаешь, что этого фельдъегеря...

– Егорова, – подсказал Черкутинский.

– ...его надобно избавить от тягот грешной жизни?

Черкутинский вздохнул и кивнул:

– Хорошо. Избавим. Что ещё тебе царапает душу, сын мой?

– Принц. Его высочество Александр Павлович.

– Что не так делает Александр Павлович?

– Как бы её императорское величество Екатерина Алексеевна ни старалась, принц тайно любит отца. Это я вам сообщаю в третий раз.

Тут Фаре де Симон вскипел душой, ибо в русских морозных пределах, как ты не крепишься, но иезуитская сладкая выучка на морозе теряется напрочь! Иезуит

заорал:

– А сколько раз тебе долбить, что людей цепляют на крючок либо по любви, либо по ненависти? А? Если сын отца любит, значит надо сделать так, чтобы он отца и убил! Убил! И тогда сын станет наш! От собственных пяток до кончика волос!

– Принц Александр Павлович – это ещё не все русские люди... – устало отозвался Мишка Черкутинский.

– Во! Вылез тут кусок твоей славянской пёсьей крови! Полячишка драный! «Не все русские»! Нам на всех русских плевать!

В иезуите заговорила пастушья кровь не единожды униженного народа. За воровство всегда унижают, но пастухи думают, что унижают несправедливо. Фаре де Симон орал, забывшись, что в лавке стены тонкие, всего в два кирпича шириной:

– Мы далеко смотрим и далеко думаем! Уже собраны силы, чтобы по всей Европе начали скидывать с тронов неугодных нам королей! А мы посадим туда своих... своих королей, понял? И миллион европейских солдат по нашему знаку сомнут эту навозную русскую страну! Один император будет на всю Европу! Нам надоело кланяться пяти десяткам королей и князей. Одному императору легче поклониться и одного легче зарезать или придушить! И когда твой принц Александр Павлович нам не поклонится, мы нашего, европейского императора заодно посадим править и этой... этим российским свинарником!

У Мишки Черкутинского лицо оживилось. Он заинтересовался:

– А кто будет этим всемирным императором?

– Наполеон Буонапарте! – выкрикнул в экстазе Фаре де Симон и тут же заткнулся. Схватил огромный ананас и стал им лупить по голове польского недоноска, сподобившегося задать ненужный вопрос. Он лупил неистово и потому не услышал, как стукнула дверь. Потом ему в лоб прилетел оглушающий удар.

* * *

Ямщик, здоровенный детина, кулаком оглушивший толстого иноземного купца, наклонился над сидящим на полу Мишкой Черкутинским:

– Слышь, барин, а барин! Хошь, иди сам его долбани. Хоть ногой! И не единожды. А хошь, так поехали отсель! Как?

– Поехали отсель, – согласился Мишка Черкутинский.

Глава четырнадцатая

В квартире Фаре де Симона, в Бранном переулке, слуга его, итальянец, совсем избегался, готовя для хозяина ледовые примочки на разбитое лицо.

– С-с-с-собака! Этот русский возница! Будто конь копытом лягнул! – пожаловался французскими словами Фаре де Симон из своей спальни в открытую дверь кабинета. Там скрипнуло кресло, некто кашлянул.

Ещё раз кашлянул и сипло ответил на странном, вывернутом из мутного старого африканского языка «идиш»:

– Не вздумай насчёт этого... синяка... Михаила Черкутинского примучить! Ему нами спланировано большое будущее в этой стране. Ниже, чем премьер-министром ему не быть!

– В этой стране нет должности премьер-министра, – отмахнулся Фаре де Симон.

– Будет! – уверил его тот же сиплый, совсем простуженный голос. – Вон, ещё двадцать лет назад такой страны – Северные Американские Соединённые Штаты не было? Не было! А теперь есть. С нашим президентом и с нашим государственным секретарём. Так и эта... скотская Россия... через десять лет прискачет к свету нашей демократии... хе-хе... Прискачет, прискачет. Не имей сомнения!

– Бомбами погоните? – подленьким голосом спросил Фаре де Симон. – Как во Франции?

– А придётся – так и бомбами погоним, – человек в спальне снова закашлял, засопел соплями в носу, долго прочищал носоглотку. – Скотское быдло всегда силой гонят в светлое будущее. Хоть бомбами, хоть вожжами, хоть дрынами. Быдлу всё равно. Для него же будущего всё равно нет. Ни светлого, ни тёмного. Это только у нас есть будущее...

Фаре де Симон – иезуит опытный, и мог бы по поводу будущего много чего возразить. Но, во-первых, у него отчаянно болела голова после ямщицкого удара. А во-вторых, там, в его кабинете, невидимый для слуг, укрылся самый страшный человек в нынешней Европе – господин Халлер. Про него тишком говорили, что если им определено, что на папском троне в Ватикане должна сидеть баба, то баба и будет сидеть...

Что-то сиротно и маятно стало Фаре де Симону от того кашляющего голоса. Забежал слуга с очередным ледяным компрессом на голову. Но иезуит только подмигнул ему, оттолкнул ледяную повязку и дёрнул головой в сторону встроенного шкафа. Слуга нарочно забренчал тазом, разбил кувшин, иезуит начал громко ругаться, и под ту ругань слуга налил половину венецианского бокала рома, да подсластил его сладкой мадерой.

Фаре де Симон с наслаждением выпил и тут же заел выпитое кусочком горького шоколада. Слуга поспешно вышел...

– Тьфу! – прокашлял голос из кабинета. – Ром и сладкая мадера, и это ты пьёшь вместе? Тьфу! Помрёшь ты от опухоли печени, подлец.

– Лекарство... – попробовал оправдаться Фаре де Симон.

– Ладно. Пусть будет лекарство. Мне жить, тебе умирать. Я, собственно, приехал к тебе не охи твои слушать и не соболезновать. Я приехал к тебе, чтобы через год ты вытряс из этой страны четыреста фунтов золота!

Фаре де Симон икнул. Но сдержался повторить икание и придушенно проговорил:

– Но с этой страны нашим кагалом определено собирать только по двести фунтов золота. И этот вес еле набирается! Откуда же мне то золото вынуть, чтобы удвоить приход, господин?

– При Петре Первом, императоре этой гнилой империи, князь Гагарин вывез из Сибири более тысячи фунтов золота, так что не ври мне про отсутствие жёлтого металла...

– Но князь Гагарин в Сибири рыл могильные курганы, тем и озолотился! И тем же царём Петром повешен... без головы! Нету теперь в Сибири тех курганов, нету там золота!

В кабинете резко скрипнуло кресло. Послышались шаги. Бархатный занавес, что прикрывал дверь, чутка отошёл в сторону.

– Мы заказали в Англии пятьдесят купеческих судов, двухмачтовых, да в Голландии столько же. Да в Америку послали мастеров добрых, чтобы и там строили нам купеческие корабли. Скоро начнётся великая торговая война. И тот, кто владеет кораблями, тот будет владеть миром. – Штора упала, теперь заскрипел засов потайной двери. Тот, страшный человек, господин Халлер, снова откашлялся. Собрался уходить по чёрной лестнице, но договорил мысль:

– Мы строим корабли в кредит. Заплачена нами уже треть суммы. Ещё треть денег я требую с тебя. Вот такой я негоциант.

– Обожди уходить! – закричал в голос, сквозь разбитую челюсть Фаре де Симон. – Дай мне хоть совет, где мне искать это золото!

Там, в кабинете, человек перестал скрипеть потайным затвором двери, ведущей на чёрное крыльцо дома Фаре де Симона. Выругался пастушьими словами своего пастушьего языка, прошипел:

– У людей, где же ещё? Тебя же учили, каторжанин, что деньги бывают только у людей...

Иезуит почуял, как у него перестало биться сердце. Он кинулся к кабинетной шторе, запутался в ней, закричал:

- Но мне не найти таких людей с такими деньгами!

- Да ты об них каждый день спотыкаешься!

- Об деньги?

- Об людей, порка мадонна миа!

Вот, пошла уже итальянская ругань. Не надо бы так сильно злить барона Халлера, но ведь приходится.

- Не носят здесь люди деньги...

- Врёшь, носят!

Там, в потайной комнате, человек, простывший до соплей в Петербургском климате, снова заскрипел креслом. Фаре де Симон вытер лоб подвернувшейся тряпкой, не заметив, что это была его окровавленная рубашка. По лицу его, наискось, пролегла полоса своей же крови.

- Ладно, - пробурчал страшный человек барон Халлер, - тебе скажу, тебе можно, ты здесь прижился, и тебя уже бьют, как своего, питерского человека. Внимай крепко, повторять не стану.

- Внимаю, господин! - обрадовался Фаре де Симон и приложился прямо к горлышку литровой бутылки с ромом. От рома на четверть часа легчала боль в голове. - Внимаю...

- В этой стране, по спискам наших осведомителей, 18 тысяч офицеров в действующей армии, офицеров разного ранга и разного статуса, не считая прапорщиков и прочей мелюзги, вроде фельдфебелей...

- Офицеры здесь вечно безденежные! - весело выкрикнул Фаре де Симон и тут же схватился за треснувшую челюсть. В голове его будто стеклянная бутылка лопнула, тыкнув во все стороны осколками. Такая острая кинулась в голову боль.

– Вот это нам и хорошо, что безденежные... и то нам хорошо, что здесь их заставляют кормиться и одеваться по форме за собственный счёт. Короче, сделай так – сними рядом со своей лавкой тихую квартиру с отдельным входом. И создай здесь... нет, не ломбард, не контору ростовщика, а создай ты здесь... э-э-э... «Союз борьбы за освобождение офицерского класса»... Нет. Не то. Это пока рано. Создай ты здесь «Союз спасения». Да, пусть будет так: «Союз спасения». Это русские свиньи поймут. У них артель в чести, так вот, ты под русскую артель и сработай. То есть в этом обществе будет как бы касса взаимной помощи, артельной помощи. И смотри мне, чтобы никаких процентов не брать!

– А я тогда не понимаю, как это – касса, и без процентов?

– А ты внимательно слушай. Пусть офицерики здешние по рублю скинутся в эту кассу. И более уже никаких с них поборов – не брать! А когда станут тебе в ту кассу рубли вносить, ты списочек подробный составляй, кто таков, какого звания, откуда родом, какой полк и прочие данные – женат, не женат, дети есть или нет, дом есть или нет, да всё под офицерскую личную роспись... Понял? Сообразил?

– Про список я сообразил, господин. Но русские офицеры здесь, это не итальянцы и не немцы. И не французы какие-нибудь. У них вера в слово безграничная. Список мой они могут и порвать...

– Не порвут. Ибо ты к этому делу стороной-сторонной, да приставь Мишеля Черкутинского, лучшего друга принца – цесаревича Александра. Мол, это он, принц Александр, посоветовал такую артельную кассу открыть, для поддержки и помощи русским офицерам, да, упаси Бог, без всякой публичности... Мишка на это дело пойдёт, я прикажу... Кому деньги на мундир надо – давай из кассы двадцать рублей. Кому на сапоги, кому на лошадь, всем давай, хоть по сто рублей, отчёта не спрашивай...

– Да как же так? Внесёт офицерик рубль, а ему без процента и без срока давать двадцать рублей? Или даже сто? Я же с такой кассой такого «Союза благоденствия» через неделю в разорение уйду! Или свои мне деньги вкладывать? Я с ума не съехал...

– Личные твои деньги у тебя никто не отбирает. Ты будешь иметь особые ассигнационные поступления русских бумажных рублей, после того как в город

Вену поступят указанные мною четыреста фунтов золота. Они к тебе вернуться, но в ассигнациях, хорошо сработанных нашими умельцами. Вот ими и будешь потчевать русскую офицерню...

Фальшивые деньги запускать в Россию? Ведь – повесят! Фаре де Симону отчаянно захотелось выпить, но сейчас пить вредно. Он снова вытерся своей окровавленной рубашкой, не понимая, что красит кровью лицо. Сквозь пьяный ром и сквозь число «четыреста фунтов» вдруг отчётливо замаячила возможность не только запутать в кредитных делах петербургское офицерство, но и самому оторвать себе приличный куш... Ведь это будет не явное, а тайное дело, кто же из русских офицеров признается, что состоит в денежной артели? Артель – дело мужицкое, открытое, а тут некая тайность, идущая от благородности самого цесаревича Александра. И цесаревич, а в перспективе – император Александр Первый – никогда не сознается, что создал в армии тайное общество, хоть и кредитное. Ибо он и не создавал такого... зла для армии... Ведь по сути – какое оно кредитное, это общество? Даёшь на год рубль, а получаешь в год – двадцать рублей от «Союза благоденствия». За просто так. Это – как понять? За что получаешь? За измену государю? А?

– Ну а потом, – раздался сиплый, насморочный голос, – лет через десять – пятнадцать, когда многие офицеры и в рангах повышены будут, тогда можно и пустить между ними слух, что цесаревич Александр, мол, только одноразово выделил от себя толику денег для помощи офицерам, а далее вроде как пошла измена. Будто некий аферист эту идею перехватил и пятнадцать лет снабжал офицеров деньгами. Мол, у одних деньги берёт, а другим – даёт. На том и держится. Сей приём денежной аферы известен издавна. Итальянцы им весьма тешились... И тебе должен быть известен...

– Пирамида!

– Вспомнил, молодец!.. Да, а лет через десять надо запустить слух, что мол, теперь, по личному распоряжению императора Александра Первого...

– Императором же будет Павел Первый, а не Александр, – влез в речь барона Халлера иезуит Фаре де Симон.

– Ты слушай, не перебивай, кто здесь будет императором – не твоего ума дело... В общем, чтобы не начался по империи сыск насчёт всяких офицерских

обществ... артельных, кредитных и прочих, пусть те офицеры, кто брал под роспись деньги, они пусть те деньги вернут. Да с процентом! Иначе их фамилии будут засвечены, и будет им каторга и вечный позор!

– Так ведь вся армейская верхушка супротив того нахальства и обмана прямо взбунтуется! Против самого... императора в штыки пойдут!

– Верно говоришь. Того и надобно.

– О! Военный будет переворот! Ловкая и чистая схема перемены власти! – совсем пьяно восхитился Фаре де Симон. – Была русская империя, стали Русские Соединённые Штаты! Был император, а стал вдруг президент! Замечательно, господин! А можно мне не одно такое общество создать, а несколько?

– Ну, создай ещё одно. Пусть будут два таких общества. Другое можешь назвать «Общество истинных славян и патриотов России». Ну, как знаешь. Для простоты можно назвать «Северное общество» и «Южное общество». Главное в сути, не в названиях. Ну, всё, я ухожу.

– А как же я? Где мне сейчас взять прорву денег? – прокричал Фаре де Симон, уже не чувствуя от алчности никакой боли в голове и в челюсти.

– Я золота прошу, не денег, – раздалось с чёрной лестницы. – Побывай в Сибири, в городе Тобольске. Найди там купца Провоторова. Он с тобой поделится золотом. Его об этом уже попросили... наши люди. А меня в этом клятом городе не ищи. Я уплываю на английском корабле. По своим делам. Дел у меня много...

Дверь внизу крепко хлопнула.

Глава пятнадцатая

Степан Иванович Шешковский, тайный советник империи и начальник тайной Императорской канцелярии, заведующий всем уголовным и политическим сыском огромной страны, пришёл в присутствии в обычном камзоле, даже слегка ношеном. И сапоги у него не первойковки, с заплатами на сгибе подъёма, и

плётка старинная, казацкая плётка, хорошо, до лоска, выстегана. Шешковский положил плётку под правую руку на стол, перекрестился в пустоту кабинета на шторы, скрывавшие зимнее и тёмное Петербургское утро.

В такую темень да работать? Да ещё в канун Рождества... Сегодня с ночи придётся стоять в Казанском соборе рождественскую службу, стоять до утра, а поутру – конец зимнему посту! Поутру так разговеемся, что святым даром разговение никому не покажется! А через неделю снова праздник! Наступит новый год! Опять можно отдохнуть от сквалыжной и совершенно надоевшей службы!

Ведь почти половина века прошла, как он, Степан Шешковский, ходит с плёткой посреди важных чинов. И кланяются ему важные чины не от радости встречи, а от страха нежданной встречи с начальником тайной Её Императорского Величества канцелярии. О-хо-хо!

Степан Шешковский, бывший по юности своей простым канцеляристом, мечтавшим выйти на пенсион хоть бы коллежским ассессором, тридцать лет тому назад совсем нежданно получил в своё полное утверждение тёмное и опасное дело. Это когда Алексашка Орлов привёз угоном в Петербург княжну Тараканову, будто бы внебрачную дочь Петра Третьего, нечаянно погибшего мужа нынешней императрицы Екатерины. Тогдашние «сильненькие» – и граф Панин, и князь Репнин, и командующий русской армией генерал Румянцев, все они, как ткань на отрезе, вдруг с полным треском разошлись в стороны, да подальше от «дела княжны».

А дело случилось и впрямь опасное для карьеры высоких по званиям людей империи, а может и жизни. А вдруг? А вдруг «княжна Тараканова» и есть княжна от курляндских кровей императора Петра Третьего, почившего в бозе от шёлкового шарфика Гришки Орлова?

Вот и вызвали большие люди империи в Петропавловский равелин Стёпку Шешковского. С него, простого канцелярского писаки, какой спрос? А ежели всё же придётся его спросить, так ведь под топором или в петле. Это «ежели» станется, когда точно окажется, что та зарёванная баба в шестом каземате – действительно курляндских, Петровских кровей.

Стёпка Шешковский тогда добился лишь одного, чтобы приказ идти ему в Равелин отдала сама императрица Екатерина. Согласились большие люди империи и тайно привели Стёпку в угол сада при бывшем, ещё деревянном Летнем дворце.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Реальная личность. Написал уникальную энциклопедическую книгу «Историческое обозрение Сибири».

2

Адмиралтейский час заведён Петром Первым, когда перед обедом по пушечному полуденному выстрелу все выпивали по чарке водки.

3

Оригинал «документа» хранится в Санкт-Петербурге, в архиве исторических актов и документов.

4

Черт бы все это побрал! (нем.)

5

Жид! (нем.)

6

Моя дорогая (нем.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/degtyarev_vladimir/kovarnyy-kamen-izumrud

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)